

УНИВЕРСИТЕТ ПРОКУРАТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сборник статей участников
XV научно-практической конференции
(г. Москва, 27 апреля 2023 г.)

Москва • 2023

УДК 34
ББК 67
А43

Под редакцией Н.В. Субановой, проректора Университета прокуратуры Российской Федерации, доктора юридических наук, доцента.

Составитель Н.В. Сальников, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации.

Рецензенты:

А.Ю. Винокуров, профессор кафедры организационно-аналитического обеспечения деятельности и управления в органах прокуратуры Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Н.Д. Пятибратова, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

А43 **Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых:** сб. ст. участников XV науч.-практ. конф. (г. Москва, 27 апр. 2023 г.) / под ред. Н.В. Субановой; [сост. Н.В. Сальников]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2023. – 144 с.

В сборник включены статьи участников XV научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых», состоявшейся в Университете прокуратуры Российской Федерации 27 апреля 2023 г. В статьях сборника рассматриваются проблемы прокурорской, правозащитной и правоохранительной деятельности, криминологии, криминалистики, уголовного и уголовно-процессуального права.

Для работников органов прокуратуры, правоохранительных и контрольно-надзорных органов, научных и педагогических работников, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов.

Сведения об авторах приведены по состоянию на дату проведения конференции.

ISBN 978-5-94952-058-1

УДК 34
ББК 67

© Университет прокуратуры
Российской Федерации, 2023

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОЙ, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ И ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Я.С. Анкудинова,
старший преподаватель кафедры
Крымского юридического
института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

Особенности принесения прокурором протеста на постановление по делу об административном правонарушении

Институт обжалования постановлений и решений по делам об административных правонарушениях часто становился объектом исследования таких ученых, как И.А. Галаган¹, Ф.Ф. Галиев², Л.А. Грось³, Д.С. Белоусова⁴, Е.Р. Ергашев⁵, Ч.С. Кодзаев⁶, В.И. Ломакин⁷.

В данном случае можно говорить о двоякой трактовке термина «протест», разграничивая принесение прокурором протеста в порядке надзора в отношении противоречащих закону нормативных правовых актов, где протест выступает как акт реагирования, и в рамках участия в рассмотрении дел судами и осуществления функции административного преследования (прине-

¹ Галаган И.А. Административная ответственность в СССР (процессуальное регулирование). Воронеж, 1976.

² Галиев Ф.Ф. Протест прокурора как акт правоприменительный. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protest-prokurora-kak-akt-pravoprimeritelnyy> (дата обращения: 10.05.2023).

³ Грось Л.А. КоАП РФ: игнорирование норм гражданского процессуального права // Арбитраж. и граждан. процесс. 2002. № 12.

⁴ Белоусова Д.С. О некоторых аспектах опротестования прокурором незаконных постановлений (определений, решений) по делам об административных правонарушениях // Вестн. Ун-та прокуратуры Рос. Федерации. 2022. № 1 (87).

⁵ Ергашев Е.Р. Протест прокурора: учеб. пособие. Екатеринбург, 2010.

⁶ Кодзаев Ч.С. Пересмотр постановлений по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2010.

⁷ Ломакин В.И. Прокурор в производстве по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.

сение в вышестоящий суд кассационного или частного протеста, в арбитражный суд – апелляционной или кассационной жалобы), где протест выступает актом прокурорского реагирования. Здесь логично согласиться с мнением профессора А.Ю. Винокурова, обосновывающего невозможность рассмотрения протеста исключительно как акта прокурорского реагирования, традиционно применяемого в надзорной деятельности. В качестве основания для разграничения указанный автор видит специфику, связанную с рассмотрением протеста прокурора в суде¹.

В случае с опротестованием постановления по делу об административном правонарушении, вынесенного судьей, имеет место определенная рассогласованность с положениями ст. 24.6 КоАП РФ, установившей, что надзор за исполнением законов при производстве по делам об административных правонарушениях не распространяется на рассмотрение таких дел судами.

О наличии надзорной функции можно говорить при оспаривании постановления о назначении административного наказания и о прекращении производства по делу об административном правонарушении, вынесенного во внесудебном порядке. С учетом осуществляемой прокурором функции в данном случае справедливо выделить протесты, вынесенные в рамках административного преследования, – в случае, если прокурор выносит постановление о возбуждении дела об административном правонарушении и заинтересован в назначении наказания, и протесты прокурора в рамках осуществления надзорной функции – когда прокурор выступает участником в деле, не инициируя производство по делу.

Принесение протеста прокурором на постановление по делу об административном правонарушении – одно из ведущих направлений деятельности прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях с учетом результативности и масштабов работы органов прокуратуры в данном направлении.

Согласно данным Формы АДМ прокурорами за период с 2018 г. подано следующее количество протестов (заявлений) в порядке ст. 30.10 КоАП РФ, ст. 207 АПК РФ: 2018 г. – 6176, из них удовлетворено – 4815, 2019 г. – 4115, из них удовлетворено –

¹ Винокуров А.Ю. Административное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации // Адм. и муницип. право. 2012. № 10.

3044; 2020 г. – 4520, из них удовлетворено – 3693; 2021 г. – 3325, из них удовлетворено – 2487; 2022 г. – 3151, из них удовлетворено – 2375. Протестов (жалоб) в порядке ст. 30.12 КоАП РФ, ст. 291¹ АПК РФ: 2018 г. – 575, из них удовлетворено 411; 2019 г. – 434, из них удовлетворено 288; 2020 г. – 401, из них удовлетворено 292; 2021 г. – 373, из них удовлетворено 290; 2022 г. – 292, из них удовлетворено 255¹. Данные показатели свидетельствуют о высокой эффективности работы прокуроров в данном направлении с учетом ежегодного удовлетворения судами порядка 75% протестов (заявлений).

Обязанность прокуроров своевременно реагировать на незаконные и необоснованные постановления по делам об административных правонарушениях путем их последовательного оспаривания в п. 4 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 19.02.2015 № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях».

При этом прокурор вправе оспорить в арбитражном суде в порядке, предусмотренном § 2 гл. 25 АПК РФ, как не вступившие, так и вступившие в законную силу постановления органов и должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, о привлечении к административной ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в связи с осуществлением ими предпринимательской и иной экономической деятельности.

С учетом многообразия норм права, регулирующих опротестование прокурором постановлений об административных правонарушениях, имеет место нарушение конституционного принципа единства средств судебной защиты². При этом данное многообразие порождает различное регулирование протеста прокурора различными нормами права. Существенные различия можно выявить между АПК РФ и КоАП РФ.

В порядке § 2 гл. 25 АПК РФ оспариваются постановления о назначении административного наказания и постановления о

¹ Формы АДМ, разд. 1. Реализация полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях за 2018, 2019, 2020, 2021, 2022 гг.

² Хазанов С.Д. Общая характеристика стадии пересмотра в производстве по делам об административных правонарушениях // Журн. рос. права. 2004. № 10.

прекращении производства по делу. Право прокурора на обжалование постановлений административных органов о привлечении к административной ответственности предусмотрено в ст. 30.10 КоАП РФ, в подтверждение чего можно привести положения постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе», где указано, что полномочия прокурора на участие в делах об административных правонарушениях определяются в соответствии с КоАП РФ.

При этом справедливым представляется включение указанного права прокурора в рамках формулировки ст. 207 АПК РФ с целью недопущения подмены закона постановлениями Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и изложения ст. 207 АПК РФ в следующей редакции:

«2. Производство по делам об оспаривании решений административных органов возбуждается на основании заявлений юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, привлеченных к административной ответственности в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности, а также на основании заявлений прокурора и потерпевших».

Требующим внимания выступает наличие в АПК РФ и КоАП РФ различных оснований для отмены или изменения оспариваемого решения административного органа. Так, ч. 2 ст. 211 АПК РФ предусматривает четыре таких основания. В свою очередь п. 3, 4, 5 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ устанавливают иные основания для отмены или изменения оспариваемого решения.

В научной доктрине также выделяются различные основания для принесения протеста прокурором¹. Очевидно, что основания для отмены или изменения оспариваемого решения или постановлений должны быть сформулированы одинаково.

КоАП РФ в ст. 30.3 закрепил десятидневный срок принесения протеста с момента получения его копии, при этом проект

¹ Басов С.Л. Пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях в порядке надзора по протесту прокурора // КриминалистЪ. 2010. № 1. С. 95.

КоАП РФ в ст. 7.3 закрепил также десятидневный срок¹. При этом обязанность суда направить копию постановления по делу об административном правонарушении прокурору не предусмотрена, на рассматриваемую проблематику обращал внимание в своем диссертационном исследовании Д.В. Гриценко². С учетом актуальности работы прокуроров в данном направлении существует явная необходимость корректировки ст. 29.11 КоАП РФ с указанием обязанности направления копии постановления прокурору по делам в отношении несовершеннолетних, отнесенным к исключительной компетенции прокурора, возбужденным прокурором. Таким образом, логично ч. 2 ст. 29.11 КоАП РФ дополнить абз. 3 следующего содержания:

«Копия вынесенного судьей постановления по делу об административном правонарушении направляется прокурору в случаях участия прокурора в рассмотрении дела по делам, возбужденным прокурором, по делам, предусмотренным частью 1 статьи 28.4 настоящего Кодекса в отношении несовершеннолетних в течение трех дней со дня вынесения указанного постановления».

А.В. Басов,
заведующий кафедрой
Крымского юридического
института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент

Аспекты научного обеспечения участия прокурора в административном судопроизводстве

Положения Конституции Российской Федерации, которые признают высшей социальной ценностью человека, его права и свободы, определяют направления современных процессов раз-

¹ Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/05-20/00102447) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.05.2020).

² *Гриценко Д.В.* Правовой статус прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2014. С. 113.

вития России как демократического, правового и социально ориентированного государства. В современных условиях идет активная работа по разработке и принятию новых современных нормативных правовых актов, совершенствованию законодательства, приведению его в соответствие с международными стандартами, разработке и внедрению соответствующих механизмов взаимодействия государства, его органов с гражданами. Тем не менее сегодня одной из важнейших является проблема совершенствования юридических гарантий обеспечения и реализации прав и свобод граждан в их взаимоотношениях с субъектами, осуществляющими государственные или иные публичные полномочия.

С принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) конституционный тезис о том, что государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции Российской Федерации), практически начал выполняться путем осуществления административного судопроизводства по рассмотрению и разрешению административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений в новом, современном формате. Эффективность реализации механизма осуществления правосудия по данной категории споров, безусловно, зависит от уровня правовой регламентации прав и обязанностей участников административного судопроизводства, соблюдения баланса между интересами конкретного гражданина и государства.

Важное место в юридическом механизме обеспечения прав и свобод граждан в административном судопроизводстве занимают органы прокуратуры. Анализ правоприменительной практики показывает, что прокуратура была и остается действенным рычагом обеспечения законности в правовой защищенности граждан, деятельности органов исполнительной власти, должностных лиц всех уровней и надлежащем функционировании всех звеньев государственного механизма.

Практика показывает, что сегодня нарушение прав и свобод граждан в сфере взаимоотношений с органами государственной власти – достаточно распространенное явление. При этом одним

из эффективных средств предупреждения и пресечения таких нарушений является деятельность органов прокуратуры. В значительной степени указанное обуславливает актуальность вопросов, связанных с определением теоретических, правовых и организационных основ участия прокурора в административном судопроизводстве, реализации его полномочий в административном судопроизводстве.

Важность научного обеспечения участия прокурора в административном судопроизводстве объясняется также необходимостью проведения фундаментальных научно-теоретических исследований правового статуса прокурора как участника административного судопроизводства, поскольку в отечественной юридической науке этот вопрос исследован фрагментарно, в рамках широкой правовой проблематики.

Недостаточное исследование вопросов в указанной сфере негативно влияет на усовершенствование законодательства, а также разработку и применение необходимых мер, направленных на усовершенствование прокурорской деятельности.

Специфика научного обеспечения участия прокурора в административном судопроизводстве предполагает необходимость обобщения научных исследований ученых различных сфер знаний.

Проблемы участия прокурора в судебном процессе, возникновения и развития административных и других процессуальных правоотношений в той или иной степени освещали известные представители современной отечественной и зарубежной юридической науки, в частности конституционного, административного и гражданского права: Е.А. Анаева, М.В. Баглай, О.А. Беляева, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, В.П. Грибанов, О.В. Гутников, Л.В. Лазарев, А.А. Кирилловых, В.М. Манохин, А.А. Павлушина, Е.А. Суханов, Ю.Н. Стариков, Ю.А. Тихомиров, Н.Д. Шестакова, И.Е. Фарбер, А.В. Фролова.

Некоторые аспекты участия прокурора в судопроизводстве исследованы в трудах по арбитражному и гражданскому процессуальному праву Т.Е. Абовой, Д.Б. Абушенко, И.Д. Алиевой, Е.М. Артамоновой, С.Ф. Афанасьева, А.Т. Боннера, Л.А. Ванеевой, М.А. Викут, А.А. Власова, А.Ф. Воронова, Р.Е. Гукасяна, М.А. Гурвича, А.М. Гребенцова, Т.А. Григорьевой, Л.А. Гресь,

Л.Ю. Егоровой, П.Ф. Елисейкина, Н.Н. Ефремовой, А.Н. Ермакова, С.А. Ивановой, Г.А. Жилина, В.М. Жуйкова, А.А. Демичева, А.А. Добровольского, С.К. Загайновой, И.М. Зайцева, Н.Б. Зейдера, И.Ю. Захарьящевой, Р.Ф. Каллистратовой, А.А. Ковалева, А.Ф. Клейнмана, А.Ф. Козлова, Н.В. Коршунова, А.А. Мельникова, С.В. Моисеева, Э.М. Мурадян, С.В. Никитина, В.С. Тадевояна, Л.В. Тумановой, Т.И. Отческой, И.А. Приходько, Е.Г. Пушкар, И.В. Решетниковой, М.А. Рожковой, Т.В. Сахновой, М.К. Треушниковой, Л.В. Тумановой, Г.Л. Осокиной, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота, Д.А. Фурсова, В.М. Шерстюка, М.С. Шакарян, В.Ф. Яковлева, В.В. Яркова и др.

Отдельные аспекты осуществления административного судопроизводства в своих работах исследовали С.Л. Басов, А.Ю. Винокуров, В.С. Выскуб, В.Ю. Кулакова, Е.И. Лоцинина, М.В. Маматов, В.А. Майборода, Ю.Г. Насонов, Н.Г. Салищева, И.В. Семёнова, О.Г. Синатрова, И.Н. Сенякин, М.С. Студеникина, Ю.Н. Старилов, В.А. Тюнин, Ю.А. Тихомиров и др. Предметом научного исследования указанной группы ученых стали следующие вопросы:

правовое обеспечение участия прокурора в административном судопроизводстве¹;

процессуальные особенности участия прокурора в отдельных категориях дел²;

¹ *Насонов Ю.Г., Выскуб В.С.* О недостатках правового регулирования участия прокурора в административном судопроизводстве // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2015. № 5(49); *Винокуров А.Ю.* О некоторых вопросах участия прокурора в административном судопроизводстве // Адм. и муницип. право. 2016. № 2.

² *Концевой А.В.* Вопросы совершенствования производства по делам о временном размещении иностранного гражданина или лица без гражданства, подлежащего реадмиссии, в специальном учреждении по проекту № 246960-6 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Новый взгляд. Международ. науч. вестн. 2014. № 4; *Кулакова В.Ю.* О некоторых проблемах правового регулирования производства по делам о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 9; *Рогачева О.С.* Участие прокурора при рассмотрении отдельных категорий административных дел: формы участия и особенности процессуального положения // Журн. админ. судопроизводства. 2018. № 2; *Менькова О.И.* О проблемных вопросах заключения как формы выражения позиции прокурора в административном судопроизводстве // Юрид. наука. 2020. № 3.

определение процессуального статуса прокурора в административном судопроизводстве¹;

определение процессуальных особенностей участия прокурора в административном судопроизводстве².

Подводя итог, отметим, что на сегодня вопросы, связанные с участием прокурора в административном судопроизводстве, являются достаточно актуальными и находятся на острие внимания научного сообщества. Указанные научные исследования являются наиболее близкими к определенной проблематике. В то же время теоретические, правовые (процессуальные) и организационные аспекты участия прокурора в административном судопроизводстве не были предметом отдельного монографического исследования. Стремительное развитие законодательства в этой сфере, изменение структуры органов государственной власти, появление новых общественных отношений обуславливают необходимость в проведении анализа современного правоприменения.

¹ *Куюмжиева Е.Г., Черкас А.С.* Особенности правового статуса прокурора в административном судопроизводстве // *Соврем. науч. мысль.* 2019. № 3; *Маматов М.В., Насонов Ю.Г.* О некоторых недостатках процессуального законодательства при урегулировании вопросов участия прокурора в рассмотрении судами дел, связанных с госпитализацией граждан в медицинскую организацию в недобровольном порядке // *Тавр. науч. обозреватель.* 2017. № 7 (24); *Лощинина Е.И., Сенякин И.Н.* Госпитализация гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь, в недобровольном порядке: сравнительный анализ норм Кодекса административного судопроизводства РФ и ранее действующих норм Гражданского процессуального кодекса РФ // *Вестн. Саратов. гос. юрид. акад.* 2016. № 5 (112).

² *Менькова О.И.* О проблемных вопросах заключения как формы выражения позиции прокурора в административном судопроизводстве // *Юрид. наука.* 2020. № 3; *Головки И.И.* Поводы и основания участия прокурора в гражданском и административном судопроизводстве // *Известия ТулГУ. Эконом. и юрид. науки.* 2019. № 1–2.

А.А. Березовская,
аспирант Уральского
государственного юридического
университета имени В.Ф. Яковлева

О невозможности передачи прокурору контрольных полномочий суда, реализуемых в досудебном производстве

В правовом государстве предполагается наличие различных механизмов обеспечения прав и свобод граждан. Все они имеют непосредственную связь с субъектом их реализации, поскольку любая деятельность по обеспечению прав требует активных действий.

Так, в ч. 1 ст. 11 УПК РФ закреплено, что суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности, ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав.

В досудебных стадиях уголовного процесса субъектами, которые также призваны быть гарантами прав и свобод участников уголовного судопроизводства, по мере возрастания их роли в правообеспечительной деятельности являются следователь (дознаватель), прокурор, судья.

Суд, который на досудебных стадиях уголовного судопроизводства осуществляет деятельность, именуемую судебным контролем, олицетворяет собой независимый орган государственной судебной власти.

Нормы о независимости судей и их подчинении только Конституции Российской Федерации и федеральному закону установлены Конституцией Российской Федерации и конкретизированы в ст. 8¹ УПК РФ. Правда, в указанной статье речь идет о рассмотрении и разрешении преимущественно уголовных дел. Но даже учитывая эту правовую несогласованность, очевидно, что и при осуществлении иной деятельности – судебного контроля или действий в стадии исполнения приговора – суд независим, а любое вмешательство в деятельность судей по отправле-

нию правосудия запрещено и влечет за собой установленную законом ответственность.

Суд является в наивысшей степени гарантом прав и свобод личности и общества, и он, в отличие от органов следствия и прокуратуры, не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или на стороне защиты, а создает лишь необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 3 ст. 15 УПК РФ).

Тем не менее некоторые авторы полагают, что прокурору необходимо вернуть полномочия по санкционированию отдельных следственных и процессуальных действий¹.

Видится, что предпосылками к таким размышлениям послужили определенные несовершенства института судебного контроля, его особенности, в какой-то степени забвение его истинного предназначения, недостаточный ретроспективный анализ, а также отсылка к примерам досудебных производств иных государств без детального изучения преимуществ и недостатков зарубежных институтов.

Другие ученые, в частности М.А. Устимов, А.Д. Бойков, напротив, выступают за совершенствование института судебного контроля, отводя прокурору роль дополнительного гаранта².

Существуют и иные мнения. Так, Е.В. Рябцева пишет, что функция прокурора при обращении следователя в суд с ходатайством о производстве следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы, становится непонятной, в том числе в условиях, когда позиция прокурора может не совпадать с позицией следователя или руководителя следственного органа³.

Обосновывая невозможность передачи прокурору даже некоторых контрольных функций суда, осуществляемых на досу-

¹ *Спирин А.В.* К вопросу о предварительном судебном контроле за производством следственных действий в жилище // Вестн. Урал. юрид. ин-та МВД России. 2022. № 2.

² *Устимов М.А.* Судебный контроль на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 41; *Бойков А.Д.* Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990–1996 гг. М., 1997. URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/boikov/part1.htm> (дата обращения: 25.04.2023).

³ *Рябцева Е.В.* Давайте будем последовательны в реформировании уголовного судопроизводства! // Рос. юстиция. 2008. № 8.

дебных стадиях уголовного судопроизводства, перейдем к конкретным доводам.

И.Л. Петрухин в свое время высказался в пользу суда как более надежного гаранта прав личности на предварительном следствии в сравнении с прокурором. «Он не связан ведомственными интересами, независим, не несет ответственности за раскрытие преступлений, ограничен рамками судебной процедуры»¹.

Строгая регламентация процедуры – наличие определенной уголовно-процессуальной формы деятельности суда по осуществлению судебного контроля – весомый аргумент, приводимый в пользу суда. Какими бы ни были особенности судебного заседания в досудебных стадиях уголовного процесса, суд действует в соответствии с установленной формой. Закон предъявляет требование к фиксации хода процесса (ч. 2 ст. 244¹, ч. 1 ст. 245, ст. 259 УПК РФ) и задает определенные критерии относительно порядка вынесения судебного акта, в частности приговора (ст. 296–298 УПК РФ). Но таковые, как видится, должны быть аналогичны и для судебных актов по результатам судебной деятельности в досудебных стадиях уголовного процесса, так как приговор – не единственное возможное судебное решение (п. 53 ст. 5 УПК РФ).

Суд действительно не связан ведомственными интересами и должен действовать беспристрастно. Именно в отношении суда законодатель установил достаточно однозначные критерии характера осуществляемой им деятельности, обусловленные природой судебной власти. Что касается иных участников уголовного судопроизводства, в частности следователя (дознавателя) и прокурора, вряд ли допустимо закрепление за ними только функции обвинения, поскольку «при распределении обязанностей доказывания в соответствии с правилами презумпции невиновности должностные лица органов уголовной юстиции устанавливают все фактические обстоятельства уголовного дела»². Они должны руководствоваться, прежде всего, общим режимом законности. Функцию органов расследования и прокуратуры целесообразно определять именно через уголовное преследование.

¹ Петрухин И.Л. Частная жизнь (правовые аспекты) // Гос-во и право. 1999. № 1. С. 72.

² Загорский Г.И., Хатуаева В.В. Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: курс лекций. Общая часть. М., 2021. С. 45.

Функции уголовного преследования, тем более надзора за органами предварительного расследования, и возможного, по мнению некоторых авторов, «прокурорского санкционирования» несовместимы, поскольку прямо противоположны друг другу.

Так, уголовное преследование представляет собой деятельность по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления, иных фактических обстоятельств дела; производству юридической оценки их действий, что находит выражение в соответствующем акте и завершается обоснованием установленных фактов и юридической квалификации перед судом. Осуществляется эта деятельность исключительно компетентными государственными органами и должностными лицами. Публичные интересы, которые лежат в самой природе уголовного преследования, идут в противоречие с интересами частными, например по сохранению права на неприкосновенность жилища. В случае решения прокурором вопроса о возможной неприкосновенности этих частных интересов за ним тогда не должна закрепляться функция уголовного преследования, что объективно невозможно, так как «прокурор является руководителем и организатором всей системы уголовного преследования»¹.

Иная ситуация, когда прокурор, осуществляя функцию надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, требует от них устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия (ч. 2 ст. 37 УПК РФ); либо отменяет меру пресечения в виде содержания под стражей на основании ч. 2 ст. 221 УПК РФ. В данном случае также обеспечиваются законные интересы частных лиц, но их обеспечение не вступает в противоречие с деятельностью по уголовному преследованию, напротив, соблюдение прав участников уголовного судопроизводства подтверждает законность этой деятельности.

¹ Баев О.Я. Функция следователя и прокурора – уголовное преследование // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 123.

При следственном действии, ограничивающем конституционное право гражданина, например на неприкосновенность жилища, частный интерес находится за рамками деятельности по уголовному преследованию и даже в противоречии с ней, так как цель ограничения частного интереса в данном случае – получить предполагаемое доказательство. «Исполнять роль арбитра»¹ в данном случае прокурор объективно не сможет.

Таким образом, закрепление разноплановых процессуальных функций в деятельности одного субъекта исключает его непредвзятость.

Зачастую судебный контроль на досудебном производстве подвергается критике также в связи с отсутствием как таковой состязательности, в частности при рассмотрении ходатайства следователя (дознавателя) в порядке ч. 2 ст. 165 УПК РФ, но этот аспект нуждается в детальном исследовании и никак не может приводиться в обоснование приоритета «прокурорского санкционирования» перед судебным контролем.

Самой оптимальной и действительно возможной видится все же позиция тех ученых, которые говорят о взаимодополняемости институтов прокурорского надзора и судебного контроля. Речь должна идти не о замене одного другим, а о взаимодействии различных видов контрольно-надзорной деятельности. Институт судебного контроля нуждается в совершенствовании, но в большей степени оно должно осуществляться посредством улучшения его качественного состояния.

¹ *Спирин А.В.* Указ. соч. С. 25.

А.А. Виноградова,
магистрант Приволжского филиала
Российского государственного
университета правосудия

Проблемные аспекты административно-правового противодействия распространению идеологии экстремизма

На протяжении двух последних десятилетий в России и в мире в целом наблюдается значительный рост уровня экстремизма и, в частности, терроризма. В законодательстве Российской Федерации закреплено довольно много правовых механизмов, способствующих противодействию такой деятельности, однако с каждым годом методы продвижения идеологии экстремизма и терроризма становятся все более искусными, и правовое регулирование не всегда успевает предупредить их развитие. Именно поэтому санкции норм права должны действовать в комплексе и быть направлены в первую очередь на предупреждение распространения самой идеологии экстремизма, ведь он уже давно перестал быть только противоправным деянием, а перешел в категорию взглядов и идей, направленных на разрушение существующего строя.

В рамках административных санкций возможно пресечь экстремистскую деятельность на начальных этапах, пока она еще не причинила вред большому кругу лиц. Диспозициями статей КоАП РФ закреплены запреты на распространение идеологии экстремизма. Поэтому анализ положений КоАП РФ, касающихся деятельности экстремистской и террористической направленности, поможет обратить внимание на уже имеющиеся меры противодействия данным деструктивным явлениям, а также на пробелы и несовершенства существующего правового регулирования.

Всего в КоАП РФ содержатся четыре статьи, регулирующие данный вопрос.

Часть 2 ст. 13.15 КоАП РФ регламентирует злоупотребление свободой массовой информации касательно темы данной публикации: распространение информации об общественном объединении или иной организации, включенных в опубликованный перечень общественных и религиозных объединений, иных органи-

заций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности, или включенных в опубликованный единый федеральный список организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, без специального указания на запрет их деятельности.

То есть любое публичное упоминание запрещенных организаций без указания на то, что они имеют экстремистскую направленность, влечет наложение административной ответственности¹. Также практика рассмотрения подобных дел говорит о том, что точное воспроизводство подобного материала одним СМИ с указанием на другое СМИ освобождает первое от административной ответственности².

Статья 20.3 КоАП РФ накладывает запрет на пропаганду и публичное демонстрирование нацистской, экстремистской и иной запрещенной атрибутики или символики. Также в отношении данной символики и атрибутики действует запрет на ее изготовление, сбыт и приобретение в целях пропаганды. Однако все эти действия не порождают состава административного правонарушения при условии, что имеют целью развитие отрицательного отношения к идеологии экстремизма, а также не содержат пропаганду и оправдание подобной идеологии.

Нацистская атрибутика и символика – это знамена, значки, иные отличительные признаки, приветственные жесты, использовавшиеся организациями, которые были признаны Нюрнбергским международным трибуналом преступными. Если же говорить о признании атрибутики и символики нацистской или сходной с ней до степени смешения, то таким полномочием обладает суд на основании заключения соответствующей экспертизы.

Однако в российской правоприменительной практике не существует единого перечня запрещенной символики и атрибутики, что значительно осложняет квалификацию деяния и приме-

¹ *Каблучков А.* Вопрос-ответ // Юрид. справочник руководителя. 2022. № 5.

² Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.10.2022 № 16-2146/2022.

нение данной нормы¹. Практически в каждом конкретном случае необходимо проведение соответствующей экспертизы для установления ее принадлежности к символике экстремистских организаций. Поэтому видится целесообразным вести перечень символики и атрибутики этих организаций по аналогии с перечнем экстремистских организаций.

Статья 20.29 КоАП РФ говорит о запрете массового распространения, производства, хранения с целью массового распространения экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов. В практике судов распространение подобных материалов в дальнейшем судами переqualифицируется в хранение, что в сущности не меняет конкретного состава. Например, экстремистский лозунг, находившийся на странице привлеченного к ответственности лица довольно продолжительное время (5 лет), будет относиться уже к категории «хранение с целью массового распространения», а не «распространение»².

Однако под действие данной статьи не подпадают случаи, когда одно лицо передало другому лицу (но не группе лиц) экстремистские материалы с целью ознакомления³. Стоит обратить внимание, что данное действие может быть произведено как с образовательной целью, так и с целью вербовки. Данное деяние также представляет угрозу распространения идеологии экстремизма, но никак законодательно не урегулировано.

Согласно ст. 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» запрещается распространение, производство и хранение экстремистских материалов. Однако диспозиция ст. 20.29 КоАП РФ предполагает ответственность за распространение, хранение и производство таких материалов лишь в случае их включения в федеральный список экстремистских материалов. Но в силу ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремист-

¹ *Равнюшкин А.В.* Проблемы квалификации совершения в общественных местах административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ // Уч. зап. Крымск. федерал. ун-та им. В.И. Вернадского. Юрид. науки. 2022. № 2.

² Постановление Верховного Суда РФ от 01.07.2022 № 19-АД22-9-К5.

³ *Шелепова С.А.* Вопросы совершенствования законодательства в области противодействия экстремизму в Российской Федерации // Социал.-полит. науки. 2018. № 1.

ской деятельности» некоторые экстремистские материалы могут быть к таковым отнесены уже в силу закона, без необходимости их включения в федеральный список. То есть ответственность за распространение, хранение и производство материалов, признанных экстремистскими в силу закона, не предусматривается, что является существенным пробелом в правовом регулировании¹.

Аналогичная же ситуация наблюдается и в отношении диспозиции ч. 2 ст. 13.15 КоАП РФ. Видится целесообразным распространить действие этой нормы по аналогии с диспозицией ст. 20.3 КоАП РФ и на материалы, признанные экстремистскими в силу закона.

Статья 20.3.1 КоАП РФ говорит об ответственности за действия, направленные на возбуждение ненависти, вражды, на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично.

Верховный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» отметил, что обстоятельства, послужившие основанием для привлечения лица к административной ответственности по ст. 20.3¹ КоАП РФ, не влекут за собой по умолчанию виновность лица в преступлении, предусмотренном ст. 280¹ УК РФ. Практика пресечения деяний данной категории говорит о достаточности нормативной базы, позволяющей бороться с возбуждением ненависти и вражды.

Таким образом, анализ положений КоАП РФ, касающихся деятельности экстремистской и террористической направленности, выявил ряд существенных недочетов, значительно усложняющий применение данных норм. В первую очередь пробелы касаются игнорирования диспозициями некоторых статей (ч. 2 ст. 13.15 и ст. 20.29 КоАП РФ) экстремистских материалов, признанных таковыми в силу закона. В данном случае видится два варианта решения этой проблемы: внесение изменений в диспозиции статей путем их дополнения фразой «а также экстремист-

¹ Официальный отзыв Правительства РФ от 31.07.2022 № 8951п-П4 «На проект федерального закона «О внесении изменения в статью 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»».

ских материалов, признанных таковыми в силу закона» или введение механизма включения таких материалов в федеральный список экстремистских материалов.

Еще одной проблемой, требующей решения, является отсутствие перечня символики и атрибутики, признанных экстремистскими. В отсутствие данного перечня возникает необходимость проведения экспертизы по каждому конкретному делу. Видится целесообразным возложить функции по ведению данного перечня на Минюст России.

Внесение всех вышеперечисленных изменений в законодательство Российской Федерации поможет повысить эффективность рассмотрения дел судами, и, как следствие, эффективность противодействия распространения экстремистской идеологии.

В.А. Демченко,
старший преподаватель кафедры
Дальневосточного юридического
института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

**Участие прокурора в рассмотрении судами
административных дел о защите интересов
несовершеннолетнего в случае отказа законного
представителя от медицинского вмешательства,
необходимого для спасения жизни**

Введенная Федеральным законом от 28.06.2016 № 223-ФЗ гл. 31¹ КАС РФ, нормы которой предоставляют возможность по обращению в суд с административным иском о защите несовершеннолетнего при отказе его законных представителей от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни такого ребенка, действует на территории нашего государства уже почти семь лет. Несмотря на продолжительное время юридического действия указанного процессуального инструментария, в правоприменительной практике встречаются лишь единичные примеры обращения в суд в порядке гл. 31¹ КАС РФ. И связано

это, как представляется, не с низким спросом правоприменителя на судебную защиту несовершеннолетних, а с несовершенством законодательной техники и, как следствие, неоднородностью судебной практики. Между тем факты отказа законных представителей от медицинского вмешательства не являются редкими¹.

Принимая во внимание обозначенную проблематику, рассмотрим особенности применения положений гл. 31¹ КАС РФ, регламентирующих, в частности, участие прокурора в рассмотрении судом анализируемых административных дел.

В соответствии со ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. В отношении несовершеннолетних, не достигших возраста 15 лет (а в отношении несовершеннолетних, больных наркоманией, – в возрасте до 16 лет), такое согласие дают их родители (законные представители). Отказ от медицинского вмешательства является основанием для прекращения со стороны медицинской организации мероприятий по оказанию медпомощи в отношении такого лица.

Учитывая приоритет интересов детей, закрепленный как на национальном, так и на международном правовом уровне, отечественный законодатель предоставил возможность защиты детей указанной категории в судебном порядке. Какая-либо иная форма защиты прав несовершеннолетних в подобных ситуациях законом не предусмотрена.

По смыслу положений гл. 31¹ КАС РФ в качестве административного истца выступает медицинская организация, административными ответчиками являются родители (законные представители) несовершеннолетнего, выразившие отказ от медицинского вмешательства либо иным образом препятствующие оказанию медпомощи, включая проведение диагностических мероприятий при подозрении заболевания, ставящего под угрозу жизнь ребенка. При этом к участию в процессе в обязательном порядке привлекаются органы опеки и попечительства, а также прокурор

¹ См., напр.: Как родители со странными убеждениями обрекают своих детей на смерть. URL: <https://ria.ru/20181024/1531320066.html> (дата обращения: 01.04.2023).

(ч. 3 ст. 285³ КАС РФ). Прокурор является лицом, участвующим в деле, на него в силу ч. 7 ст. 39 КАС РФ возлагается обязанность по формулированию правового заключения по данному административному делу.

Несовершенство законодательной техники, которое во многом препятствует более эффективной реализации на практике положений анализируемой главы КАС РФ, о котором уже говорилось, видится в чрезмерно завышенных требованиях, предъявляемых к медицинской организации (административному истцу) на этапе подготовки и направления административного иска в суд. Так, в силу ч. 3 ст. 285¹ КАС РФ к административному исковому заявлению (наряду с документами, предусмотренными ст. 126 КАС РФ) должны прилагаться: медицинская документация несовершеннолетнего; заключение врачебной комиссии с указанием диагноза, тяжести заболевания, описанием состояния, требующего спасения жизни пациента; иные материалы, подтверждающие необходимость проведения медицинского вмешательства; документы, подтверждающие отказ законного представителя несовершеннолетнего от медицинского вмешательства, а также уведомление органа опеки и попечительства о подаче административного иска в суд.

Дело в том, что зачастую медицинская организация располагает сведениями о возможном заболевании несовершеннолетнего, но не имеет возможности собрать комиссию врачей для подготовки медицинского заключения ввиду препятствий, создаваемых родителями несовершеннолетнего. Например, казенное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр профилактики и борьбы со СПИД» обратилось в Пыть-Яхский городской суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры с административным иском о госпитализации несовершеннолетнего ввиду подозрения у него ВИЧ-инфекции. Поводом для обращения в суд медицинской организации послужил перинатальный контакт с ВИЧ-положительной матерью ребенка, которая после родов забрала малолетнего из стационара, от обследования отказалась. Суд, изучив поступившее административное исковое заявление, принял решение о его возвращении автору. В обоснование своей позиции указал на отсутствие в материалах

дела комиссионного медицинского заключения, являющегося обязательным документом по смыслу ч. 3 ст. 285¹ КАС РФ.

Спустя год аналогичное дело рассматривалось в Железнодорожном районном суде г. Хабаровска. При этом, как и в вышеприведенном случае, медорганизацией при подаче иска заключение медкомиссии представлено не было. Вместе с тем, как указал районный суд, факт непроизведенного медицинского обследования ребенка, предполагаемый ВИЧ-статус, а также вероятность возможного заражения в перспективе ставят под угрозу его жизнь и здоровье. Принимая во внимание указанные обстоятельства, суд удовлетворил административные иски в полном объеме¹.

Судебная разногласия, в том числе по делам с аналогичными фактическими обстоятельствами, – частое правоприменительное явление. Вызвано оно, как было отмечено ранее, чрезмерно завышенными требованиями к административному истцу, буквальным (несистемным) толкованием норм права судебными органами.

Справедливости ради отметим, что по приведенному первому примеру определение Пыть-Яхского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 04.06.2018 о возвращении административного иска административному истцу было обжаловано медицинской организацией в суд апелляционной инстанции. Вышестоящая судебная инстанция отметила, что изучение представленных материалов свидетельствует о невозможности представления медицинской организацией заключения врачебной комиссии, поскольку законный представитель несовершеннолетнего, несмотря на рекомендации медицинских работников центра, до настоящего времени не обследовала своего несовершеннолетнего ребенка на наличие/отсутствие ВИЧ-инфекции. Отсутствие своевременного диагностирования заболевания может привести к прогрессированию негативных последствий для малолетнего ребенка, присоединению вторичных заболеваний и летальному исходу. Кроме того, возвращая административное исковое заявление, суд первой инстанции не учел сокращенные сроки возбуждения производства по делам данной ка-

¹ Официальный сайт Железнодорожного районного суда г. Хабаровска.

тегории (незамедлительное вынесение определения о принятии заявления к производству суда на основании ч. 1 ст. 285² КАС РФ).

Кроме того, суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры отметил, что буквальное толкование ст. 285² КАС РФ не предполагает возможности оставления заявления без движения. Исключение из общих процессуальных правил возбуждения административного дела обусловлено спецификой обстоятельств, не терпящих отлагательства. При этом недостаток документов, не предоставленных при подаче административного искового заявления, в данном случае компенсируется правом суда истребовать необходимые материалы после принятия заявления к своему производству (ч. 2 ст. 285² КАС РФ). Административное исковое заявление, поданное в рамках гл. 31¹ КАС РФ, может быть возвращено судом исключительно по мотиву неподсудности. Таким образом, определение городского суда о возвращении административного искового заявления было отменено апелляционным определением суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 14.08.2018 как незаконное и необоснованное¹.

С приведенной позицией следует согласиться, поскольку она в системе действующего правового регулирования исходит из приоритета интересов детей, в особенности тех, чья жизнь и здоровье находятся под угрозой. Игнорирование данного постулата идет вразрез с нормами международного права, логикой национального законодателя, закрепившего рассматриваемый принцип в качестве незыблемого в процессе правоприменения.

В связи с этим, преследуя цель по унификации судебной практики в данной области, снятия описанного правового барьера, представляется необходимым исключить из п. 1 ч. 3 ст. 285¹ КАС РФ указание на обязательность представления при подаче иска комиссионного заключения врачей. Прокурорам же, участвующим в делах анализируемой категории, необходимо занимать принципиальную позицию по защите прав детей, соблюдению их законных интересов.

¹ Официальный сайт суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

А.М. Ибрагимова,
старший преподаватель кафедры
Казанского юридического
института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

К вопросу о правовом регулировании рассмотрения обращений граждан в органах прокуратуры

Правовое регулирование организации работы органов прокуратуры по рассмотрению обращений граждан в последнее время претерпевает существенные изменения, как и работа всей системы органов прокуратуры в данной сфере.

Выступая на расширенных заседаниях коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2020–2022 гг., Президент Российской Федерации обозначил перед прокурорским корпусом в качестве задачи необходимость принятия мер для налаживания обратной связи с гражданами, включая оперативную реакцию на их жалобы, и обратил внимание на важность повышения уровня доверия людей, сохранения его в будущем. В связи с этим разработан ряд организационно-распорядительных документов, закрепляющих новые требования.

В настоящее время в системе источников при рассмотрении обращений граждан имеется избыток правовых актов, применение которых в ряде случаев не отличается простотой и ясностью.

Следует сказать, что сфера применения Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – закон о порядке рассмотрения обращений) охватывает любые обращения граждан. Его действие распространяется на все виды обращений, независимо от сферы затрагиваемых отношений¹. Исключениями являются положения федеральных конституционных или федеральных законов, закрепляющих иной порядок рассмотрения обращений.

¹ См., напр.: постановление Верховного Суда РФ от 17.02.2020 № 65-АД19-6.

Применительно к рассмотрению обращений органами прокуратуры в развитие положений закона о рассмотрении обращений в Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – закон о прокуратуре) включена ст. 10, закрепляющая право прокурора в рамках реализации надзорных полномочий разрешать обращения, в которых имеются сообщения о нарушении закона.

Организационно-распорядительным документом, закрепляющим общий порядок рассмотрения обращений граждан в органах прокуратуры, является Инструкция о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации, утвержденная приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 30.01.2013 № 45 (далее – Инструкция).

С момента утверждения Инструкция претерпела изменения пятнадцать раз, в том числе в 2021 г. в части организации приема вне очереди либо по месту жительства ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны, а также граждан Российской Федерации, являющихся бывшими несовершеннолетними узниками концлагерей, гетто, других мест принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в период Второй мировой войны¹. Несмотря на вносимые изменения, ряд положений Инструкции не соответствует современным потребностям.

Новый подход в работе с обращениями граждан изложен в ряде последовательных, дополняющих друг друга указаний Генерального прокурора Российской Федерации, решениях коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации и ряде обзоров.

Одним из современных нововведений стало указание Генерального прокурора Российской Федерации от 06.03.2020 № 137/9 «О совершенствовании работы по рассмотрению обращений и приему граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» (далее – указание № 137/9), в соответствии с которым необходи-

¹ Приказы Генерального прокурора РФ от 28.09.2021 № 562 «О внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генеральной прокуратуры Российской Федерации», от 19.08.2021 № 477 «О внесении изменения в Инструкцию о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации, утвержденную приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 30.01.2013 № 45».

мо рассматривать работу с обращениями и прием граждан одним из приоритетных направлений деятельности.

В нем обозначены требования к необходимости во всех случаях добиваться полного восстановления нарушенных прав и законных интересов граждан, недопущению волокиты и бездействия при разрешении обращений, исключению фактов оставления обращений граждан без рассмотрения по существу по формальным основаниям. Предусмотрено принятие исчерпывающих мер к восполнению недостающих данных для разрешения обращения.

Принимая во внимание отсутствие указанных выше требований в Инструкции и содержащуюся в ней возможность возврата обращений заявителям в случае невозможности прочтения текста обращения, отсутствия доводов, необходимых для его разрешения, можно прийти к обоснованному выводу о конкуренции двух правовых норм.

Кроме того, по вопросу принятия решения о перенаправлении обращения в иные органы по компетенции помимо пресекающего семидневного срока и запрета направления обращения должностному лицу, действия (бездействия) которых обжалуются, иных правил Инструкция не содержит.

Вместе с тем решением коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28.04.2021 «О практике рассмотрения и разрешения обращений граждан, их приема в органах прокуратуры Российской Федерации» закреплён перечень обращений, не подлежащих перенаправлению в иные органы: обращения о системных, грубых нарушениях закона, затрагивающих права значительного числа граждан или социально уязвимой категории населения; обращения, в удовлетворении которых неоднократно отказывалось иными органами и организациями; повторные обращения граждан; обращения, принятые на личном приеме руководством прокуратуры.

Ограничения на перенаправление ряда обращений содержатся и в указании Генерального прокурора Российской Федерации от 19.01.2022 № 521/7 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами».

Кроме того, ряд обращений граждан рассматривается в органах прокуратуры в особом или специальном порядке.

Во-первых, речь идет об обращениях, рассматриваемых в порядке ст. 124 УПК РФ. С целью конкретизации положений этой статьи Генеральным прокурором Российской Федерации издан приказ от 24.08.2021 № 487 «О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора».

Специальный порядок предусмотрен также и для обращений, содержащих сведения о совершенных или готовящихся преступлениях, в отдельном приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 27.12.2007 № 212 «О порядке учета и рассмотрения в органах прокуратуры Российской Федерации сообщений о преступлениях».

В органах прокуратуры также рассматриваются обращения граждан о реабилитации в соответствии с Законом Российской Федерации от 18.10.1991 № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», о нарушении избирательных прав в соответствии с Федеральным законом от 12.06.2022 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 12.04.2021 № 188 утвержден Регламент рассмотрения личных сообщений в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, поступивших от субъектов предпринимательской деятельности посредством раздела Единого портала прокуратуры Российской Федерации «Прямая линия для предпринимателей».

Без привязки к какому-либо порядку рассмотрения обращений отдельные требования к оформлению ответов и уведомлений содержит приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 29.12.2011 № 450 «О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах прокуратуры Российской Федерации». Этот же приказ содержит раздел, посвященный особенностям работы с электронными документами, в том числе с электронными обращениями, их учету и хранению.

Несмотря на возможность подачи обращений в органы прокуратуры Российской Федерации через Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) в соответствии с

приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 04.03.2019 № 171 «О вводе в эксплуатацию программного обеспечения, реализующего функцию подачи обращения и записи на прием в органы прокуратуры Российской Федерации в федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» алгоритм работы с программным обеспечением в части заполнения необходимой информации для направления обращения, поступающими обращениями отсутствует.

Существующий пробел создает дополнительные сложности в установлении обратной связи с гражданами. Неясным остается порядок контроля за поступлением таких обращений.

При таком изобилии правовых актов и имеющих в них пробелов, противоречий задача правоприменителя по соблюдению необходимых требований для успешного выполнения возложенных обязанностей, содействия гражданам в эффективной реализации права на обращение существенно усложняется. Именно поэтому в настоящее время назрела потребность в доработке, систематизации норм о порядке рассмотрения обращений граждан в органах прокуратуры.

Существующая в теории права трехзвенная иерархия источников, которая включает Конституцию Российской Федерации, федеральный конституционный или федеральный закон, подзаконный акт отдельного органа власти, является наиболее удобной для правоприменителя, демонстрирует совершенство законодательной техники, эффективность принимаемых актов.

Применительно к рассматриваемому вопросу предложенная иерархия представляется в виде Конституции Российской Федерации, федерального законодательства, единой инструкции, содержащей требования к рассмотрению всех видов обращений в органах прокуратуры.

Н.С. Козлова,
преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

**Содержание предмета прокурорского надзора
за исполнением законов в сфере закупок товаров, работ, услуг
для обеспечения государственных и муниципальных нужд**

Сфера закупок по-прежнему остается одним из важных направлений надзорной деятельности прокуратуры. Зачастую участниками закупок издаются незаконные правовые акты, например положения о конкурсных и экспертных комиссиях, инструкции по контролю за исполнением заказов. Данные акты, противоречащие федеральному законодательству, влекут за собой неправомерные действия контрактных управляющих и иных должностных лиц. Специфика организации закупок, многочисленные нарушения участниками федерального законодательства данной сферы, теневой сектор говорят о не разрешенной до сих пор проблеме, требующей усиления прокурорского надзора, а также повышения его качества.

26 апреля 2023 г. Генеральный прокурор Российской Федерации И.В. Краснов выступил в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с докладом о состоянии законности и правопорядка в 2022 году и о проделанной работе по их укреплению. В своем сообщении он подчеркнул значимость эффективности надзора в сфере закупок, а также сообщил, что за истекший год по материалам проверок возбуждено 906 уголовных дел. При этом каждое пятое касалось закупок у единственного поставщика. Этой категории прокурорами уделялось особое внимание из-за расширения Правительством перечня соответствующих оснований, обусловленного преодолением санкционных мер¹.

¹ Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=87329761> (дата обращения: 26.04.2023).

Для того чтобы верно определить цели и задачи, которые ставятся при осуществлении данного надзора, вектор его дальнейшего развития, необходимо определиться с его предметом.

Содержание предмета указанного надзора рассматривали многие ученые. Причем рассматривали как в комплексе, опираясь на все законодательство в сфере закупок, так и в разрезе конкретных элементов данного законодательства: предмет надзора, осуществляемого только за контрактной системой¹, другие рассматривали с точки зрения закупок, реализуемых отдельными видами юридических лиц². Мы предлагаем рассмотреть предмет надзора за закупками в комплексе, охватив всю сферу данных правоотношений.

Выделяют пять направлений прокурорского надзора. Не вызывает сомнений, что надзор за исполнением законов в сфере закупок является составной частью, поднаправлением надзора за исполнением законов. Таким образом, положения ст. 21 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прямым образом применимы в рассматриваемом нами вопросе. Вместе с тем приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» разъясняет, что предметом является надзор за законностью правовых актов, издаваемых федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, законодательными (представительными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, военного управления, органами контроля, их должностными лицами.

По мнению С.С. Алексеева, «законы и подзаконные нормативные правовые акты образуют систему законодательства, которая характеризуется глубоким единством и органической целостностью»³. Здесь считаем важным подчеркнуть, что в настоящее

¹ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – закон № 44-ФЗ).

² Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

³ Алексеев С.С. Общая теории права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. С. 444.

время в сфере закупок много положений действующего законодательства имеют отсылочный характер. Значительную часть разъяснений о проведении закупок или об их особенностях, о специфических моментах их реализации можно найти в указах Президента Российской Федерации, постановлениях Правительства Российской Федерации, письмах министерств и ведомств. Многие из них содержат четкое понимание того, чем должны руководствоваться участники общественных отношений, возникающих в сфере закупок, предусматривают обязательные к выполнению требования и порядок действий в тех или иных ситуациях. В связи с этим считаем, что вышеприведенная позиция названного ученого вполне обоснованна, поэтому, на наш взгляд, исполнение участниками закупок подзаконных актов также должно быть в поле зрения органов прокуратуры.

Рассматривая предмет прокурорского надзора за исполнением законов в сфере закупок, считаем важным привести точку зрения Н.А. Игониной и О.С. Опеньшева, исследовавших прокурорский надзор за исполнением законодательства о закупках, действовавшего до принятия закона № 44-ФЗ. Они относили к предмету прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере государственных закупок «законность издаваемых нормативных правовых актов в сфере государственных, муниципальных закупок участниками закупочных отношений (федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, формирующими, размещающими государственный (муниципальный) заказ, контролирующими исполнение контрактов, органами контроля, их должностными лицами, а также органами управления и руководителями организаций – участников торгов»¹. Несмотря на то что контрактная система и новое законодательство о закупках претерпели с тех пор существенные изменения, выводы

¹ Игониная Н.А., Опеньшев О.С. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о закупках товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд: науч.-метод. пособие. М., 2011.

указанных ученых относительно предмета прокурорского надзора в сфере закупок имеют право на существование и сейчас.

Абсолютно справедливо отмечает М.Ф. Максютов, что предметом прокурорского надзора за исполнением законов в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц является «соответствие Конституции Российской Федерации и действующему в Российской Федерации законодательству в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц действий (бездействия) поднадзорных государственных и муниципальных органов, организаций и их должностных лиц, а также принимаемых ими правовых актов»¹. Вместе с тем данное определение предмета не может применяться буквально к надзору за закупками в целом, поскольку основано на корпоративных закупках, регулируемых Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Изучая природу данного прокурорского надзора за законностью в сфере закупок, совершаемых на основании закона № 44-ФЗ, ученые пришли к выводу, что «предметом прокурорского надзора в рассматриваемой сфере являются: исполнение бюджетного законодательства при осуществлении государственных и муниципальных закупок; исполнение гражданского законодательства при размещении заказов при исполнении государственных, муниципальных контрактов на закупку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд; законность издаваемых нормативных правовых актов в сфере государственных и муниципальных закупок участниками закупочных отношений федеральными органами исполнительной власти, представительными и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, формирующими, размещающими государственный (муниципальный) заказ, контролирующими исполнение контрактов, органами контроля, их должностными лицами, а также органами

¹ Максютов М.Ф. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 85.

управления и руководителями организаций – участников торгов (запросов котировок)»¹.

Еще одна важная составляющая предмета прокурорского надзора – обеспечение законности деятельности органов, которые уполномочены осуществлять контроль в сфере закупок. К таковым в первую очередь относится Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации (ФАС России) и ее региональные управления. Благодаря деятельности данного федерального органа исполнительной власти выявляются существенные нарушения, допускаемые заказчиками закупок в ходе определения поставщиков, исполнения государственных контрактов и иных процедур. Однако нередко случаи, когда региональные управления ФАС России при выявлении нарушений не привлекают надлежащим образом должностных лиц, виновных в совершении правонарушений в сфере закупок, к ответственности. По мнению Н.Д. Бут, «прокурорская практика свидетельствует о ненадлежащем выполнении контролирующими органами своих функций при выявлении и устранении нарушений в рассматриваемой сфере»². Мы разделяем данную позицию и считаем, что в предмет прокурорского надзора за закупками следует включить обеспечение законности в деятельности органов контроля в сфере закупок.

Подводя итог всему вышеперечисленному, мы пришли к выводу, что предмет прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок следует сформулировать как надзор за исполнением законодательства, регулирующего осуществление закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, участвующими в них субъектами закупочных отношений; соответствием принимаемых участниками закупок подзаконных актов федеральным законам; исполнением бюджетного и гражданского законодательства, а также подзаконных актов в части, касающейся закупочной деятельности; соблюдением законности в деятельности органов контроля в сфере закупок.

¹ *Прокурорский надзор за исполнением законов о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок товаров, работ, услуг: монография* / [Н.Д. Бут и др.]; под ред. Н.В. Субановой; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2017. С. 96.

² *Бут Н.Д.* Прокурорский надзор за исполнением законов о защите конкуренции // Вестн. Ун-та прокуратуры Рос. Федерации. 2019. № 3 (71). С. 21.

Е.С. Колесник,
старший преподаватель кафедры
Крымского юридического
института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

Развитие профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции при подготовке кадров для органов прокуратуры

Картина мира современного общества демонстрирует, что одной из важных задач образования является развитие у студентов навыков, позволяющих свободно разбираться в профессионально значимом информационном потоке, включая иноязычную среду. В правоохранительных органах востребованы специалисты, которые компетентны в сфере межкультурного общения. Соответственно, возрастает значимость владения иностранным языком как инструментом делового общения. Для решения этой задачи преподавателям необходимо воспитывать у студентов уважение к другой культуре, повышать интерес к ней, учить диалогу, критическому миропониманию. Процесс преподавания будущим прокурорским работникам иностранных языков необходимо ориентировать на установление навыков профессионального общения.

Межкультурная компетенция занимает ведущее место среди навыков и качеств будущих специалистов. Понятие «межкультурная компетенция» рассматривается как способность к общению с людьми из разных стран, при котором никто не находится в превосходящей позиции по отношению к другому, что способствует гармоничному сосуществованию¹.

Изучение межкультурной коммуникации приобретает особое значение, поскольку оно предлагает инструменты, помогающие нам сформировать качественный уровень межкультурно-коммуникативной компетенции, который определяется готовно-

¹ *Межкультурная коммуникация и цифровизация: вопросы подготовки кадров к глобальному сотрудничеству: коллективная монография / под общ. ред. М.В. Резуновой, О.А. Овчинниковой. Брянск: Изд-во Брянск. фил. РАНХиГС, 2021.*

стью и способностью личности выступать в роли адекватного культурного посредника при осуществлении межкультурного общения.

Фундаментальными характеристиками межкультурно-коммуникативной компетенции являются знания, навыки и установки:

понимание базовых сведений о культуре своего государства и страны участника диалога по межкультурному общению;

готовность изучать зарубежную культуру и открытость к восприятию психологических, социальных и других культурных различий и умение соотносить их с родной культурой;

умение познавать поведенческие стереотипы, которые приняты в изучаемой культуре, интерпретировать иноязычную культуру, выступать в роли культурного посредника (межкультурные и продуктивные умения);

желание вступать в межкультурный контакт и стремление сотрудничать с другими культурами.

Уделяется внимание следующим видам компетенций, которыми должны владеть прокурорские работники:

1) общие (практические и академические знания; навыки и личностные качества, специфические характеристики);

2) коммуникативная языковая компетенция с многокомпонентной структурой, с лингвистическими, социолингвистическими и прагматическими элементами.

Коммуникативная компетенция состоит из шести составляющих:

социокультурная компетенция (владение культурными характеристиками языковых личностей, их манер, традиций, норм поведения и этикета, умение понимать и разумно применять их в процессе общения, оставаясь при этом носителем другой культуры);

стратегическая компетенция (невербальные и вербальные средства, такие как жесты, мимика, использование различных предметов, повторное прочтение фразы и переспрос непонятого предложения);

социальная компетенция (желание и возможность взаимодействовать с другими участниками, уверенность в себе и в своих

силах для осуществления коммуникации, а также умение справляться с недопониманием в ходе общения);

лингвистическая компетенция (компетентность во владении грамматическими правилами и лексическими единицами);

социолингвистическая компетенция (способность в зависимости от ситуации и цели общения, от социальных ролей участников коммуникации умело находить и применять языковые средства);

дискурсивная компетенция (умение понимать различные виды коммуникативных высказываний, выбирать подходящие лингвистические средства и строить связные и логичные высказывания разных функциональных стилей)¹.

Очевидно, что формирование действительно востребованных специалистов в системе прокуратуры в современных реалиях не может ограничиться развитием отдельных способностей, компетенций или умений. Необходим целый комплекс знаний и навыков, который бы обеспечивал возникновение профессиональной компетентности². Одна из основных задач подготовки специалиста – формирование субъекта межкультурной коммуникации, несущего в себе задатки своей и иной концептуальной системы, результатом которой становится возможность опосредованной межкультурной коммуникации, увеличение взаимопонимания специалистов в сфере профессионально-иноязычного общения.

Развитие межкультурно-коммуникативной профессионально ориентирующей компетенции является многоплановым и сложным процессом, обеспечивающим готовность к межкультурно-профессиональному общению, что предполагает сформированность комплекса профессионально значимых знаний, умений, качеств и субкомпетенций, способствующих разрешению профессиональных задач.

¹ Воронова Л.С., Маевская А.Ю. Иноязычная коммуникативная компетентность и составляющие ее компетенции // Актуал. проблемы гуманит. и естеств. наук. 2015. № 12, ч. VI.

² Ляхова Е.Г. Профессионально-культурная компетенция как составляющая межкультурной коммуникативной компетенции в обучении профессионально-ориентированному иностранному языку // Мир науки. Педагогика и психология: электрон. науч. журн. 2020. № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/37PDMN420.pdf> (дата обращения: 23.03.2023).

Следует отметить, что студенты, обучающиеся по направлению «Судебная и прокурорская деятельность», сталкиваются с множеством трудностей при изучении иностранного языка в сфере юриспруденции. Рассмотрим наиболее частые:

1. Юридические значения слов могут отличаться от общего значения.

Consideration – 1) рассмотрение, 2) юр.: встречное удовлетворение; компенсация. *It is probably that a landlord will collect the consideration – here, you need to evaluate the tenant's ability and intention to pay.* – Вполне вероятно, что арендодатель получит компенсацию – здесь вам нужно оценить способность и намерение арендатора платить.

2. Длинные и сложные предложения часто имеют своеобразную структуру, знаки препинания используются в недостаточной мере, в предложениях могут употребляться иностранные фразы или необычные местоимения (the aforesaid, thereof, therein, wherein etc).

De facto – фактически, в реальности. *The Government should raise questions about ensuring de-facto equality in medical treatment.* – Правительству следует поднять вопросы об обеспечении фактического равенства в медицинском обслуживании.

3. Большой словарный запас: например, когда мы говорим об адвокате, то допустимо употреблять слова «lawyer», «counsel», «advocate».

– *Lawyers in the United Kingdom jurisdictions practice as solicitor or as barristers.* – Адвокаты в юрисдикции Соединенного Королевства практикуют в качестве солиситоров или барристеров.

– *The witness convinced the council of my innocence.* – Свидетель убедил адвоката в моей невиновности.

– *I dreamed of becoming an advocate or a legal scholar.* – Я мечтала стать адвокатом или ученым-правоведом.

Для преодоления вышеперечисленных трудностей будущим специалистам в системе прокуратуры необходимо развивать словарный запас, накапливать опыт иноязычного общения, а также совершенствовать владение навыком публичных выступлений на иностранном языке.

Именно грамотная устная и письменная речь становится главным инструментом деятельности прокурорского работника. Особую актуальность это приобретает в том случае, когда представителям органов прокуратуры необходимо коммуницировать с зарубежными коллегами. Здесь нужно использовать разделение по категориям права, четкие определения правовых понятий и словесные выражения, не допускается употребление жаргонизмов, возникает необходимость в подготовке и оформлении внушительного количества правовых документов, передаче и получении информации в устной и письменной форме. Безусловно, будущим прокурорским работникам необходимо стать компетентными в межкультурном общении с людьми, поэтому обучение межкультурному взаимодействию студентов направления «Судебная и прокурорская деятельность» – одна из актуальных проблем.

Студенты должны иметь представление о правовой системе своей страны, изучать особенности англо-американской правовой системы, анализировать их общие и различные черты, развивать и поддерживать дискуссию на правовые темы с использованием специфической терминологии.

Следовательно, важным аспектом для практики коммуникации является понятие «лингвострановедческая грамотность личности», которая должна стать значимым компонентом профессионального опыта в сфере речевой коммуникации в правовом поле. Именно владение лингвострановедческим материалом (в широком смысле этого слова) позволяет будущим прокурорским работникам корректно выстраивать устные и письменные речевые высказывания в ходе межкультурной коммуникации¹.

Развитие лингвострановедческой грамотности на занятиях по иностранному языку достигается с помощью применения различных современных методов и приемов, таких как «кластер», «инсерт» и «технология кейс-стади». Для качественной подготовки в области межкультурной коммуникации следует применять «метод перекрестной дискуссии» и «ролевые игры», использовать современные аутентичные материалы, а также развивать навыки аудирования для понимания участников в ходе межкультурного общения.

¹ Тавберидзе Д.В. Формирование лингвострановедческой компетенции студентов гуманитарных специальностей // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85).

Межкультурная коммуникация представляет собой многостороннюю и поэтапную процедуру установления, развития и укрепления взаимопонимания и сотрудничества между представителями дифференциальных ценностных систем. Такая процедура основывается на разработке, подготовке и осуществлении организации социальных взаимодействий, порождаемых нуждами коллективной работы, и состоит из обмена информацией, выработки единой стратегии взаимодействия, восприятия и понимания другого человека в процессе сотрудничества в контексте социальных, профессиональных, личностных ценностных признаков.

Межкультурной коммуникации отводится особая роль среди профессиональных компетенций при подготовке кадров органов прокуратуры. Организация международного сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации состоит в налаживании связей с прокуратурами других государств. Используются такие формы взаимодействия, как встречи генеральных прокуроров, их заместителей; обмен делегациями специалистов для передачи опыта работы, проведение научно-практических конференций, семинаров, совещаний и других форумов, консультирование по правовым вопросам.

Именно поэтому прокурорским работникам необходимо непрерывно повышать свою профессиональную компетенцию, в том числе в сфере владения иностранными языками.

А.О. Леготин,
аспирант Уральского государственного
юридического университета
имени В.Ф. Яковлева

Проявление принципов согласованности и подчиненности, исключения дублирования полномочий в организации работы прокуратуры города с районным делением

Прокуратура Российской Федерации представляет собой единую, федеральную, централизованную систему органов¹, состоящую из территориальных и специализированных прокуратур формирующих трехзвенную структуру:

¹ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

Генеральная прокуратура Российской Федерации, осуществляющая надзорную и ненадзорную функции, а также руководство всеми нижестоящими прокуратурами, органами и организациями, входящими в систему прокуратуры;

прокуратуры субъектов Российской Федерации и приравненные к ним прокуратуры;

прокуратуры низового звена – прокуратуры городов, районов и приравненные к ним прокуратуры.

Прокуратуры городов с районным делением являются территориальными прокуратурами низового звена, которые обладают специфическим правовым положением и полномочиями. Находясь в системе прокуратуры Российской Федерации, они являются подчиненными прокуратурам субъектов Российской Федерации и в то же время руководят деятельностью, осуществляют контроль, организуют взаимодействие районных прокуратур города. Указанные прокуратуры создаются в крупных городах с большим количеством населения, а также поднадзорными объектами общегородского статуса. Конкретный предмет ведения и круг поднадзорных объектов прокуратуры города с районным делением определяется прокуратурой субъекта Российской Федерации. Основополагающее значение в образовании данного вида прокуратур низового звена имеет административно-территориальный принцип – наличие внутригородских административно-территориальных единиц (районы, округа).

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 10.10.2019 № 715 «Об организации деятельности прокуратур городов с районным делением» разграничивается компетенция между прокуратурами города с районным делением и другими территориальными прокуратурами. В этом организационно-распорядительном документе указываются полномочия по руководству деятельностью, возлагаемые на данные прокуратуры, которые непосредственно влияют на их организацию работы и управленческую деятельность. В особенности это касается следующих видов деятельности: планирование, информационно-аналитическая работа, статистическая отчетность, координация деятельности (причем как правоохранительных органов, так и районных прокуратур города), контроль за выполнением поручений и исполнением обязанностей, организация работы с кадрами.

Перечисленные выше «внешнефункциональные»¹ виды организации деятельности прокуратуры города с районным делением и районных прокуратур города основаны на принципах согласованности и подчиненности, исключения дублирования полномочий.

Принцип согласованности и подчиненности проявляется в том, что, являясь прокуратурами одного звена, прокуратуры города с районным делением руководят, контролируют и согласовывают деятельность равных по положению в системе органов прокуратуры районных прокуратур города. Для поддержания состояния законности на городском уровне целесообразно проводить комплекс проверочных мероприятий по проблемным направлениям деятельности одновременно на территории всего города: во всех городских районах и на объектах общегородского значения.

Так, при планировании прокурорских проверок сроки их проведения согласовываются между всеми районными прокуратурами и прокуратурой города, которая устанавливает время проведения, обобщает и анализирует их результаты. Успешное осуществление полномочий и взаимодействие прокуратур во многом зависят от своевременной, грамотной и высокопрофессиональной управленческой деятельности прокурора города. Однако следует заметить, что он, осуществляя непосредственное руководство, не обладает правом привлечения к дисциплинарной ответственности подчиненных ему прокурорских работников, данным полномочием обладают вышестоящие прокуроры, начиная с прокурора субъекта Российской Федерации.

Принцип исключения дублирования полномочий подразумевает отсутствие идентичных полномочий и смешение поднадзорных объектов как между районными прокуратурами города, так и между прокуратурой города с районным делением и районными прокуратурами. Соблюдение этого принципа зависит от издания прокуратурами субъектов Российской Федерации организационно-распорядительных актов, в которых четко разграни-

¹ Кобзарев Ф.М. Организация управления в органах прокуратуры: учеб. пособие / Костром. гос. ун-т. Кострома, 2019. С. 20.

чивается круг поднадзорных объектов, компетенция нижестоящих прокуратур.

При определении круга поднадзорных объектов на первое место выходит не территориальный принцип, а объектный: как правило, предприятия общегородского значения в качестве поднадзорных объектов закрепляются за прокуратурой города, даже если его территория полностью входит в границы городского района. Во избежание дублирования полномочий обозначенные компетенции должны быть закреплены в организационно-распорядительных документах прокурора субъекта Российской Федерации.

К.А. Мальцева,
главный советник в аппарате
Уполномоченного по правам ребенка
в Иркутской области

Уполномоченный по правам ребенка как субъект правозащитной деятельности: опыт Иркутской области

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2). Это не только императивная норма конституционного законодательства, но и основной принцип или даже базовое условие существования современного развитого правового общества.

В настоящее время мы имеем широко развитую сеть институтов, деятельность которых направлена на защиту прав и свобод человека и гражданина. Это обусловлено тем, что с появлением новых видов деятельности человека видоизменяются правоотношения, как следствие, возникает потребность в преобразовании правозащитной деятельности. Таким образом, с течением времени и дальнейшим продвижением прогресса появляются новые правозащитные институты, создаются новые формы осуществления правозащитной деятельности, соразмерные запросам общества.

Относительно молодыми, но уже не раз подтвердившими свою реальную необходимость государственными институтами правозащитной деятельности являются уполномоченные по правам отдельных категорий субъектов (омбудсмены).

Так, более 10 лет назад в свете необходимости концентрации внимания правозащитной деятельности на защите прав и законных интересов детей, изучении и мониторинге ситуации соблюдения прав детей в стране и в каждом регионе, поиске новых способов и форм оказания помощи семьям, детям и профильным специалистам был создан новый правозащитный институт – уполномоченный по правам ребенка.

Поворотным моментом в создании этого института в России является издание Указа Президента Российской Федерации от 01.09.2009 № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка». В указе установлены положения об учреждении должности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, а также даны рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации учредить должность регионального уполномоченного по правам ребенка.

В Иркутской области институт уполномоченного по правам ребенка был создан в связи с изданием Закона Иркутской области от 12.07.2010 № 71-ОЗ «Об Уполномоченном по правам ребенка в Иркутской области» (далее – закон Иркутской области № 71-ОЗ), который содержит основные положения, регулирующие правовой статус, полномочия и в целом деятельность детского уполномоченного, его права и обязанности, процедуру назначения на должность и освобождения от должности, требования к кандидатам.

Уполномоченный по правам ребенка в Иркутской области (далее – Уполномоченный) назначается на должность и освобождается от должности Законодательным Собранием Иркутской области по согласованию с Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка.

Фактически первое назначение на должность Уполномоченного состоялось в феврале 2011 г. С этого времени в Приангарье эффективно осуществляет правозащитную деятельность институт детского омбудсмена.

Безусловно, создание нового правозащитного института в статусе государственного органа региона тогда, более 10 лет назад, вызывало немало вопросов со стороны территориальных органов федеральных государственных органов, региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, профильных организаций и учреждений, что, в свою очередь, является вполне объяснимым и ожидаемым. Однако с течением времени и достижением определенных результатов сотрудничества институт Уполномоченного обрел свою неподдельную авторитетность и стал полноправным партнером и соратником для органов и организаций различной ведомственной подчиненности и профильности в системе защиты прав ребенка.

Уполномоченный по правам ребенка в Иркутской области сегодня – это устоявшийся институт качественной правозащитной деятельности, которая направлена на оказание различной правовой помощи семьям и детям, а также практикующим специалистам. Уполномоченный является непосредственно субъектом оказания бесплатной юридической помощи населению, а значит, играет важную роль и в реализации права незащищенных категорий на квалифицированную правовую помощь.

Закон Иркутской области № 71-ОЗ наделил Уполномоченного полномочиями по рассмотрению обращений и информации по вопросам, связанным с нарушением (угрозой нарушения) прав, свобод и законных интересов детей, в том числе жалоб на решения или действия (бездействие) органов государственной власти Иркутской области, органов местного самоуправления, их должностных лиц, организаций, нарушающих права, свободы и законные интересы детей до достижения ими совершеннолетия, за исключением случаев, когда в таких обращениях одновременно поставлены вопросы о защите прав и свобод совершеннолетних лиц.

В соответствии с положениями ст. 3 закона Иркутской области № 71-ОЗ основными задачами Уполномоченного являются:

1) предупреждение нарушения прав и законных интересов детей, содействие восстановлению нарушенных прав и законных интересов детей;

2) обеспечение защиты прав и законных интересов детей;

3) выявление причин и условий, способствующих нарушению прав и законных интересов детей, внесение предложений об их устранении;

4) внесение предложений о совершенствовании законов Иркутской области и иных нормативных правовых актов Иркутской области по вопросам защиты прав и законных интересов детей, организации и деятельности Уполномоченного, в том числе о приведении их в соответствие с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами;

5) правовое просвещение по вопросам прав и законных интересов детей, форм и методов их защиты;

6) содействие развитию межрегионального сотрудничества по вопросам защиты прав и законных интересов детей;

7) содействие формированию и эффективному функционированию государственной системы обеспечения реализации, соблюдения и защиты прав и законных интересов детей органами государственной власти Иркутской области, иными государственными органами Иркутской области, органами местного самоуправления и должностными лицами;

8) мониторинг и анализ эффективности функционирования механизмов реализации, соблюдения и защиты прав и законных интересов детей органами государственной власти Иркутской области, иными государственными органами Иркутской области, органами местного самоуправления, образовательными и медицинскими организациями, организациями, оказывающими социальные и иные услуги детям и семьям, имеющим детей, и должностными лицами;

9) участие в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Исходя из вышеперечисленного, представляется возможным установить, что перечень возложенных на Уполномоченного профессиональных задач достаточно обширен. Справедливо отметить, что при всем этом деятельность Уполномоченного осуществляется в условиях небольшого количества сотрудников, образующих его аппарат.

Что помогает институту детского омбудсмена эффективно осуществлять деятельность и при этом не теряться на фоне многочисленных ведомств? Представляется возможным установить, что успешность деятельности Уполномоченного в сфере правозащитной деятельности обусловлена следующим:

1) его независимостью. Так, согласно закону Иркутской области № 71-ОЗ Уполномоченный при осуществлении своей деятельности независим от каких-либо органов, организаций, объединений и должностных лиц (ч. 4);

2) правом Уполномоченного запрашивать и получать от территориальных органов федеральных государственных органов, органов государственной власти Иркутской области, иных государственных органов Иркутской области, органов местного самоуправления и должностных лиц необходимые сведения, документы и материалы;

3) правом посещать органы власти различной подчиненности, образовательные и медицинские организации, организации, оказывающие социальные и иные услуги детям и семьям, имеющим детей, расположенные на территории Иркутской области;

4) правом посещать пенитенциарные учреждения, следственные изоляторы, в которых содержатся несовершеннолетние, беременные женщины и женщины, дети которых находятся в домах ребенка исправительных учреждений;

5) правом направления в орган власти и/или организацию мотивированных заключений с рекомендациями по восстановлению нарушенных прав несовершеннолетних в случаях выявления таких нарушений по результатам работы;

6) правом внесения законодательной инициативы в целях создания и/или регулирования механизмов оказания помощи семьям и детям;

7) мобильностью и низкой бюрократизированностью ввиду отсутствия многоуровневой вертикали подчиненности;

8) широким спектром взаимодействия с субъектами системы защиты детства. В текущей работе одного дня Уполномоченный региона может взаимодействовать, например, как с рядовым специалистом профильной организации, непосредственно работающим с семьей, так и с высшими должностными лицами феде-

ральных, в том числе правоохранительных, органов, органов региональной власти и местного самоуправления;

9) экспертностью и супервизией. Справедливо отметить, что Уполномоченный, являющийся профессионалом высокого класса и имеющий при этом серьезный опыт правозащитной деятельности, очевидно, является экспертом в многогранной сфере защиты прав и интересов детского населения. Более того, институт регионального Уполномоченного является площадкой для профессиональной поддержки специалистов, непосредственно работающих с целевой аудиторией;

10) высокой заинтересованностью в конструктивном урегулировании конфликтов межведомственного характера в целях соблюдения прав ребенка органами власти, а также представителями гражданского сектора. Зачастую в целях разрешения нетипичных и неочевидных правовых проблем Уполномоченный выступает переговорной, а иногда и медиативной площадкой для урегулирования имеющихся ведомственных разногласий и недоговоренностей;

11) конструктивным взаимодействием Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка и уполномоченных по правам ребенка в субъектах. Такое многолетнее слаженное взаимодействие, а также активная деятельность координационных советов региональных уполномоченных по правам ребенка объективно благополучно сказываются на формировании позитивной практики защиты прав и законных интересов детского населения;

12) владением актуальной комплексной аналитической информацией с оценкой соблюдения прав и интересов детей в регионе.

Не менее важным положением является то, что деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав и законных интересов детей, не отменяет полномочий государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и законных интересов детей, и не влечет за собой пересмотра таких полномочий. Таким образом, несмотря на возможное перекликанье отдельных функций некоторых органов и/или организаций с функциями Уполномоченного, последний не

является их конкурентом ввиду иных целей, преследуемых в профессиональной деятельности.

Одной из гарантий осуществления Уполномоченным независимой деятельности является предусмотренная законом Иркутской области от 17.10.2011 № 89-ОЗ «Об административной ответственности за воспрепятствование законной деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Иркутской области» административная ответственность за вмешательство в осуществление им предусмотренных полномочий с целью повлиять на его решения, а также неисполнение должностными лицами законных требований Уполномоченного. Однако сложившийся конструктивный диалог между Уполномоченным и иными органами и организациями в настоящее время не дает поводов для применения таких отчасти карательных форм взаимодействия.

В заключение представляется возможным сделать вывод о том, что по своей сути деятельность регионального Уполномоченного по правам ребенка является маркером результативности деятельности органов власти и местного самоуправления, учреждений и организаций в сфере защиты детства. Однако наравне с этим институт Уполномоченного – это и субъект информационно-аналитической деятельности, который не только выявляет имеющиеся недостатки и проблемы, но также приводит рекомендации по совершенствованию положения детей в регионе, показывает прогрессивные стороны субъекта, способствует формированию законности среди населения, активно участвует в правовом просвещении.

Очевидно, что дальнейшая популяризация и продвижение института уполномоченных по правам ребенка целесообразны и актуальны в настоящее время.

М.В. Маматов,
заведующий отделом
НИИ Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

И.С. Симонова,
старший научный сотрудник
НИИ Университета прокуратуры
Российской Федерации

Сфера интеллектуальной собственности: состояние законности и работа органов прокуратуры

Правовая защита интеллектуальной собственности приобрела особую актуальность в современных условиях, обусловленных недружественными действиями иностранных государств и международных организаций.

В целях защиты национальных интересов Российской Федерации реализуются меры социально-экономического характера, в том числе направленные на упрощение разрешительных и лицензионных процедур, со второго полугодия 2022 г. законодателем легализованы механизмы параллельного импорта – ввоза товаров на территорию Российской Федерации без согласия производителя или правообладателя¹, а перечень² таких товаров систематически дополняется. Кроме того, теперь не признается нарушением использование исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах (их группах), и средств индивидуализации, которыми такие товары маркирова-

¹ См.: Федеральный закон от 28.06.2022 № 213-ФЗ «О внесении изменений в статью 18 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² См.: приказ Минпромторга России от 19.04.2022 № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия».

ны. Обеспечение надлежащей реализации указанных правовых новелл – важнейшая задача.

В 2022 г. в сфере защиты интеллектуальной собственности прокурорами выявлено¹ 2662 нарушения закона (для сравнения в 2021 г. было зафиксировано 3383 таких случая, в 2020 г. – 3378, в 2019 г. – 4375, в 2018 г. – 4456). При оценке этого показателя надо учитывать действие ограничений на проведение проверок субъектов малого и среднего предпринимательства², а также исключение из практики фактов подмены полномочий органов государственного контроля (надзора) при проведении надзорных мероприятий в отношении субъектов предпринимательства.

Представление об объемах работы прокуроров и характере выявленных нарушений позволяет составить данные о применяемых мерах прокурорского реагирования (см. табл. 1).

Таблица 1

**Сведения о результатах применения мер
прокурорского реагирования в сфере охраны
интеллектуальной собственности, авторских и смежных прав
за 2018–2022 гг.**

		2022 г.	2021 г.	2020 г.	2019 г.	2018 г.
Принесено протестов		29	52	29	46	19
Из рассмотренных судом исков (заявлений) прокуроров	удовлетворено и прекращено дел ввиду добровольного удовлетворения требований прокурора	779	999	922	964	1373
	на сумму (в тыс. руб.)	148		50		0
Внесено представлений		499	632	613	848	748
По представлению прокурора привлечено лиц к дисциплинарной ответственности		372	419	408	609	517
По постановлению (заявлению в арбитражный суд) прокурора привлечено лиц к административной ответственности		163	305	299	534	705
Предостережено лиц о недопустимости нарушения закона		51	69	42	139	126
Возбуждено уголовных дел по материалам прокуроров		41	66	89	67	91

¹ Выборочные данные из формы ОН «Надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» за 2018–2022 гг.

² См.: Ст. 5 Федерального закона от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Например, в 2022 г. прокурорами возбуждено¹ 14 дел об административных правонарушениях по ст. 7.12 КоАП РФ (Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав), по результатам рассмотрения к ответственности привлечено 23 лица (в 2021 г. – 76 и 68, в 2020 г. – 73 и 67, 2019 г. – 115 и 102, в 2018 г. – 75 и 70 соответственно).

Так, прокуратурой Советского района г. Тулы проведена проверка по обращению ООО «Издательство Джем» по вопросу нарушения требований законодательства об охране интеллектуальной собственности, авторских и смежных прав при проведении концерта музыкальной группы. Установлено, что лицензионный договор с Российским авторским обществом на момент проведения указанного мероприятия не заключался – хозяйствующий субъект незаконно использовал произведения или фонограммы с нарушением авторских и смежных прав в целях извлечения доходов при проведении и организации культурно-развлекательного мероприятия. По данному факту прокуратурой района возбуждено дело об административном правонарушении по ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ, которое рассмотрено мировым судьей судебного участка № 73 Советского судебного района г. Тулы, виновному лицу назначено наказание в виде административного штрафа².

В свою очередь по ст. 14.10 КоАП РФ (Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) прокурорами в 2022 г. возбуждено 107 дел об административных правонарушениях, что позволило обеспечить привлечение к административной ответственности 134 лиц (в 2021 г. – 226 и 221, в 2020 г. – 203 и 218, в 2019 г. – 409 и 395, в 2018 г. – 507 и 541 соответственно).

Например, Серовской транспортной прокуратурой по результатам проверки установлен факт реализации индивидуальным предпринимателем товара, содержащего незаконное воспроизведение торгового знака. В отношении хозяйствующего лица возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 14.10 КоАП РФ, по результатам рассмотрения которого Арбитражным судом Свердловской области винов-

¹ Выборочные данные из формы АДМ «Реализация полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» за 2018–2022 гг. (утверждена приказами Генерального прокурора Российской Федерации от 04.02.2022 № 64, от 30.05.2019 № 366 и от 20.04.2017 № 275).

² См.: постановление мирового судьи судебного участка № 73 Советского судебного района г. Тулы № 5-187/73/2022 от 05.05.2022.

ное лицо привлечено к административной ответственности (назначено предупреждение, изъятый товар уничтожен)¹.

Разумеется, конфликты в сфере интеллектуальной собственности также разрешаются в судах по инициативе заинтересованных лиц. При этом органы прокуратуры призваны отстаивать государственные и общественные интересы и не участвуют в разрешении споров между коммерческими структурами².

По имеющимся данным³, всего в 2022 г. судами общей юрисдикции возбуждено 4239 гражданских дел по спорам о защите интеллектуальной собственности, в том числе три – в связи с обращением прокуроров (см. табл. 2), тогда как, например, в 2018 г. эти показатели составляли 1973 и 11 соответственно.

Таблица 2

Сведения о количестве возбужденных судами общей юрисдикции гражданских дел по спорам о защите интеллектуальной собственности в 2018–2022 гг.

		2022 г.	2021 г.	2020 г.	2019 г.	2018 г.
Всего по спорам о защите интеллектуальной собственности		4239	2984	2219	2250	1973
из них	приняты к производству в связи с обращением прокурора	3	2	2	2	11

При этом следует учитывать, что в 2022 г. в судах общей юрисдикции чаще всего заявители добивались защиты авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет» (ч. 3 ст. 26 ГПК РФ) (возбуждено 1592 гражданских дела), авторских прав в иных случаях (1071), права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, услуг и предприятий (375), защиты прав, смежных с авторскими (159) (см. табл. 3).

¹ См.: решение Арбитражного суда Свердловской области от 22.06.2021 № А60-22496/2021.

² См.: Начальник главка Генпрокуратуры рассказал, как надзор отстаивает авторские и смежные права / 18.05.2021 / Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4815988> (дата обращения: 28.04.2023); Более 3300 нарушений авторских прав выявила Генпрокуратура в 2020 г. / 18.05.2021 / Право.ru. URL: <https://pravo.ru/news/231681> (дата обращения: 28.04.2023).

³ Выборочные данные из формы № 2 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции» за 2018–2022 гг.

Таблица 3

**Сведения о возбужденных в 2018–2022 гг.
судами общей юрисдикции гражданских делах
для защиты результатов интеллектуальной
деятельности и приравненными к ним средствами
индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг
и предприятий, которым предоставляется правовая охрана**

		2022 г.	2021 г.	2020 г.	2019 г.	2018 г.
О защите авторских прав		1071	989	577	540	356
из них:	приняты к производству в связи с обращением прокурора	0	0	0	1	5
О защите прав, смежных с авторскими		159	90	68	44	47
из них:	приняты к производству в связи с обращением прокурора	0	0	0	0	0
О защите патентных прав		52	79	36	78	71
из них:	приняты к производству в связи с обращением прокурора	0	0	1	1	0
О защите прав на селекционные достижения		21	4	2	3	6
из них:	приняты к производству в связи с обращением прокурора	3	1	0	0	0
О защите прав на топологии интегральных микросхем		10	2	0	2	1
из них:	приняты к производству в связи с обращением прокурора	0	0	0	0	0
О защите права на секрет производства (ноу-хау)		15	7	4	12	8
из них:	приняты к производству в связи с обращением прокурора	0	0	0	0	0
О защите права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, услуг и предприятий		375	183	81	117	108
из них:	приняты к производству в связи с обращением прокурора	0	0	0	0	0
О защите права использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии		44	27	17	70	125
из них:	приняты к производству в связи с обращением прокурора	0	1	0	0	5
О защите авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет» (ч. 3 ст. 26 ГПК РФ)		1592	1095	1158	1097	1076
из них:	приняты к производству в связи с обращением прокурора	0	0	0	0	0
Иные дела, связанные с защитой интеллектуальной собственности		900	508	276	287	175
из них:	приняты к производству в связи с обращением прокурора	0	0	1	0	1

В свою очередь арбитражными судами¹ в 2022 г. возбуждено 39 498 дел, связанных с охраной интеллектуальных прав, где по обращению прокурора – 2 (для сравнения в 2021 г. – 33 978 и 0 соответственно). Интерес представляет структурный разрез по таким делам, который ввиду изменений в формах статистического учета возможно проанализировать только за 2021–2022 гг. (см. табл. 4).

Таблица 4

Сведения о возбужденных в 2021–2022 гг. арбитражными судами делах, связанных с охраной интеллектуальных прав

		2022 г.	2021 г.
Об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) Роспатента, связанных с регистрацией лицензионного договора, договора об отчуждении исключительного права, договора залога <i>приняты к производству в связи с обращением прокурора</i>		14 0	15 0
Связанные с защитой нарушенных или оспоренных интеллектуальных прав <i>приняты к производству в связи с обращением прокурора</i>		34 524 1	27 350 0
из них:	авторских прав <i>приняты к производству в связи с обращением прокурора</i>	9 743 0	6 846 0
	смежных прав <i>приняты к производству в связи с обращением прокурора</i>	22 0	60 0
	патентных прав <i>приняты к производству в связи с обращением прокурора</i>	144 0	106 0
	прав на селекционные достижения <i>приняты к производству в связи с обращением прокурора</i>	4 0	4 0
	прав на топологии интегральных микросхем <i>приняты к производству в связи с обращением прокурора</i>	0 0	2 0
	прав на секреты производства (ноу-хау) <i>приняты к производству в связи с обращением прокурора</i>	50 0	69 0
	прав на средства индивидуализации (прав на товарные знаки, на фирменные наименования, на наименование мест происхождения товаров, на коммерческие обозначения и др.) <i>приняты к производству в связи с обращением прокурора</i>	18 077 1	14 288 0
из них:	возмещение убытков <i>приняты к производству в связи с обращением прокурора</i>	7 333 0	6 351 0
	взыскание компенсации <i>приняты к производству в связи с обращением прокурора</i>	3 432 0	2 147 0
	конфискация контрафактных экземпляров <i>приняты к производству в связи с обращением прокурора</i>	7 0	7 0

¹ Выборочные данные из формы № 1 АС «Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции» за 2021–2022 гг.

	конфискация оборудования <i>приняты к производству в связи с обращением прокурора</i>	13 0	1 0
	ликвидация <i>приняты к производству в связи с обращением прокурора</i>	0 0	0 0
Споры по договорам в отношении интеллектуальных прав <i>приняты к производству в связи с обращением прокурора</i>		752 0	3 620 0
из них:	о заключении договоров <i>приняты к производству в связи с обращением прокурора</i>	1 0	63 0
	о признании договоров недействительными <i>приняты к производству в связи с обращением прокурора</i>	6 0	6 0
	о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по договорам <i>приняты к производству в связи с обращением прокурора</i>	421 0	3 376 0

Происходящие в Российской Федерации социальные и экономические изменения обусловили необходимость внесения дополнений¹ в ст. 52 АПК РФ, наделивших прокурора правом обращаться в арбитражный суд с иском о признании недействительными сделок, совершенных с нарушением требований законодательства в сфере оборонного заказа, о контрактной системе, а также о возмещении ущерба государству и муниципальным образованиям от таких нарушений. Эти изменения позволили прокурорам повысить эффективность судебной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности², обеспечить сохранность и целевое использование бюджетных средств, в том числе выделенных на реализацию приоритетных национальных проектов.

Следует отметить, что упоминание о необходимости уделять в ходе проверок особое внимание вопросам исполнения требований законодательства об интеллектуальной собственности при выполнении научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, а также о распределении, закреплении и об учете прав на результаты интеллектуальной деятельности в организационно-распорядительных документах Генеральной прокуратуры

¹ См.: Федеральный закон от 01.07.2021 № 282-ФЗ «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

² См.: Обзор практики использования прокурорами полномочий в арбитражном процессе, направленный заместителем Генерального прокурора Российской Федерации от 22.04.2022 № 8-12-2022. Кроме того, практика обращения в Суд по интеллектуальным правам получила положительную оценку в информационном письме Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 05.09.2022 № 8-12-2022/Ип26643-22 «О реализации прокурорами полномочий по защите прав государства на результаты интеллектуальной деятельности».

Российской Федерации встречается нечасто¹, хотя для целей правоприменения весьма полезно регламентировать особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства об интеллектуальной собственности в отдельном приказе Генерального прокурора Российской Федерации.

Н.О. Пыткина,
аспирант Университета прокуратуры
Российской Федерации

Защита прокурором прав несовершеннолетних на образование при реализации национальных проектов

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 14.03.2019 № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» предписано считать надзор за исполнением законодательства в данной сфере одним из приоритетных направлений (п. 1); осуществлять надзорное сопровождение национального проекта «Демография», принципиально реагировать на нарушения законности при реализации мероприятий по повышению доступности дошкольного образования (п. 3.6).

Согласно п. 2.1.16 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» надлежит в обязательном порядке проверять законность расходования бюджетных средств, выделяемых на соответствующие мероприятия, включая нацпроекты.

В 2022 г. прокурорами выявлено 11 517 нарушений законодательства при реализации нацпроекта «Демография» (в 2020 г. – 8300, в 2021 г. – 10 636)². В истекшем году по рассмотренным про-

¹ См., напр.: п. 2.4.1 приказа Генерального прокурора Рос. Федерации от 02.11.2018 № 723 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере оборонно-промышленного комплекса».

² См.: форма НП «Надзор за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» за 2020–2022 гг.

тестам отменено и изменено 367 незаконных правовых актов, удовлетворено и прекращено 3090 дел ввиду добровольного удовлетворения исковых требований прокурора, внесено 2764 представлений, по постановлению прокурора 573 лица привлечено к административной ответственности, 371 лицо предостережено о недопустимости нарушения закона, возбуждено 268 уголовных дел по материалам, направленным в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

В 2022 г. выявлено 10 430 нарушений законодательства при реализации нацпроекта «Образование» (в 2020 г. – 6836, в 2021 г. – 9143)¹. В истекшем году по рассмотренным протестам отменено и изменено 284 незаконных правовых акта, удовлетворено и прекращено 457 дел ввиду добровольного удовлетворения исковых требований прокурора, внесено 4500 представлений, по постановлению прокурора 754 лица привлечено к административной ответственности, 622 лица предостережено о недопустимости нарушения закона, возбуждено 52 уголовных дела по материалам, направленным в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

На расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, посвященном итогам работы органов прокуратуры за 2022 г. и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2023 г., Президент Российской Федерации отдельно подчеркнул необходимость незамедлительного реагирования на нарушения прав несовершеннолетних. Генеральный прокурор Российской Федерации указал на проблему обеспечения доступности образования несовершеннолетних при строительстве образовательных учреждений².

Имеющиеся проблемы надзорного сопровождения реализации нацпроектов обсуждаются на системной и плановой основе Генеральной прокуратурой Российской Федерации на заседаниях соответствующих экспертных рабочих групп, заслушиваются доклады прокуроров субъектов Российской Федерации о результатах их деятельности.

Результаты надзорной практики свидетельствуют о наличии нарушений со стороны поднадзорных субъектов, необходимости

¹ См.: форма НП «Надзор за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» за 2017–2021 гг.

² Единый портал прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=86293561> (дата обращения: 21.04.2023).

активизации работы по своевременному выявлению, пресечению и реальному устранению нарушений при реализации нацпроектов, в частности при строительстве и вводе в эксплуатацию зданий образовательных учреждений.

Одним из направлений нацпроекта «Образование» является строительство школ. Как указано на официальном сайте, к 2024 г. не должно остаться школ, где дети учатся в третью смену¹.

На решение проблем в сфере образования также нацелен нацпроект «Демография», направленный на принятие мер в целях сокращения периода нахождения в очереди на получение места в дошкольном образовательном учреждении детьми в возрасте от 1,5 до 3 лет.

Однако реализация нацпроектов в установленные сроки остается под вопросом, о чем свидетельствуют нарушения, допускаемые главными распорядителями и получателями бюджетных средств подрядными организациями.

Практика прокурорского надзора свидетельствует о том, что нарушения при расходовании бюджетных средств являются наиболее распространенными при реализации нацпроектов «Демография», «Образование» и выявлялись прокурорами практически во всех регионах.

Так, несмотря на финансирование мероприятий по строительству объектов образования, не решена проблема ликвидации очередности на получение мест в детских садах. Благодаря прокурорскому вмешательству пресекались факты хищения и неправомерного расходования бюджетных средств, направленных на строительство дошкольных образовательных учреждений. Принятыми мерами прокурорского реагирования обеспечивается корректировка генпланов поселений, принятие местных нормативов градостроительного проектирования и иных правовых актов в данной сфере в соответствии с нуждаемостью населения конкретного региона в объектах образования. Пресекаются факты массовой жилой застройки без возведения образовательной инфраструктуры.

¹ Официальный сайт Национальные проекты. URL: <https://xn--80aarpmpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/obrazovanie> (дата обращения: 21.04.2023).

Нередко органы власти, достоверно располагая сведениями о темпах жилищного строительства и прироста населения, своевременных и необходимых мер к обеспечению нормального функционирования и развития системы образования не предпринимают.

При этом работа уполномоченных органов по реализации нацпроектов не всегда обеспечивает достижение их целей. В некоторых регионах распространена практика переноса сроков выполнения мероприятий путем заключения дополнительных соглашений.

Также прокуроры пресекают нарушения при строительстве детских садов, школ, упущения заказчиков в организации и осуществлении строительного контроля, повлекшие нарушения, связанные с качеством возводимых зданий. Основаниями для прокурорского вмешательства становятся случаи ввода объектов в эксплуатацию без надлежащего оформления документов.

Указанные нарушения повсеместно выявлялись при надзорном сопровождении нацпроектов, в целях их устранения эффективно применяется весь спектр предоставленных законом полномочий.

Например, вступившим в законную силу решением Арбитражного суда Брянской области удовлетворены иски прокурора о признании недействительным заключенного в отсутствие решения администрации района дополнительного соглашения о продлении срока окончания контракта на выполнение работ по капитальному ремонту спортивного зала в школе¹.

По постановлению заместителя Генерального прокурора Российской Федерации министр образования Красноярского края, не обеспечивший завершение в г. Красноярске строительства здания детского сада, привлечен к ответственности по ч. 3 ст. 15.15³ КоАП РФ за нарушение условий предоставления межбюджетных трансфертов.

Проведенные прокурорами проверки показали, что трудности с обеспечением права на доступность образования явились следствием ненадлежащей градостроительной политики, при ко-

¹ БрянскНОВОСТИ.RU Газета «Брянский регион». URL: <https://bryansknovosti.ru> (дата обращения: 21.04.2023).

торой организация жилой застройки не отвечает потребности в новых объектах образования и предполагаемой численности детского населения.

Принятыми мерами реагирования в Алтайском крае, Архангельской области и других регионах обеспечены корректировка генпланов поселений, принятие местных нормативов градостроительного проектирования и иных правовых актов в данной сфере.

Так, в Оренбургской области прокурор объявил министру архитектуры предостережение о недопустимости нарушения градостроительного законодательства при планируемой застройке многоквартирными жилыми домами на участке, где переполнены расположенные вблизи учреждения образования¹.

Преступные действия участников нацпроектов послужили основанием для инициирования их уголовного преследования.

Так, прокурором района установлено, что должностными лицами органа местного самоуправления в целях заключения контракта в отсутствие конкурсных процедур принято решение о выделении из местного бюджета дополнительно 15 282,5 тыс. руб., несмотря на то что иных работ, помимо изначально предусмотренных контрактом, не произведено. Тем самым необоснованно увеличена сумма сделки, в связи с чем бюджету муниципального района причинен значительный ущерб. Прокурором в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ вынесено постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании, по результатам рассмотрения возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Несмотря на активную позицию органов прокуратуры на данном направлении надзорной деятельности, во многих регионах при осуществлении надзора выявляются существенные недостатки в виде неполноты и несвоевременности реагирования на нарушения законодательства о контрактной системе в сфере закупок, несоблюдение градостроительных норм и требований закона об образовании.

В целях повышения эффективности надзорного сопровождения реализации нацпроектов необходимо организовать мони-

¹ Урал56.Ру. URL: <https://www.ural56.ru/news/675809/> (дата обращения: 21.04.2023).

торинг в сфере исполнения законов при реализации мероприятий нацпроектов, наладить поступление на постоянной основе из региональных министерств и ведомств сведений о кассовом освоении средств нацпроектов, о заключенных за счет указанных средств контрактах. Важно, чтобы проверками прокуроров были охвачены все закупки за счет средств нацпроектов, а также налажено взаимодействие с территориальными органами Федерального казначейства, КСП, органами финансового контроля.

Низкое кассовое исполнение мероприятий в рамках нацпроектов зачастую создает угрозу срыва сроков их реализации, в связи с чем представляется важным шире использовать полномочия, предусмотренные гл. 22 КАС РФ, выявляя факты бездействия при исполнении мероприятий в рамках нацпроектов.

Учитывая значительное количество нарушений требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, прокурорам необходимо активизировать работу по признанию недействительными сделок и обращению в суд с исками о возмещении ущерба, причиненного Российской Федерации в соответствии с ч. 1 ст. 52 АПК РФ.

Мерами прокурорского реагирования важно добиваться надлежащей организации уполномоченными органами власти претензионной работы с подрядными организациями, пресечения фактов необоснованного переноса сроков выполнения мероприятий, предусмотренных контрактами на строительство детских садов.

Кроме того, в целях выработки и принятия дополнительных мер, направленных на реализацию нацпроектов в части соблюдения прав несовершеннолетних на доступное дошкольное образование, необходимо проведение уполномоченными органами власти комплексного анализа ситуации в указанной сфере, оценка документов территориального планирования и градостроительного зонирования, региональных и местных нормативов градостроительного проектирования на предмет соответствия задачам обеспечения населенных пунктов объектами дошкольного образования.

А.А. Титов,
доцент кафедры
Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

Актуальные вопросы реагирования на коррупциогенные факторы в отдельных нормативных правовых актах

Во исполнение п. 2.22 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 10.10.2022 № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» прокуроры реализуют комплекс мер по антикоррупционной экспертизе. Она проводится органами прокуратуры в отношении нормативных правовых актов, принятых поднадзорными им федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, иными государственными органами и организациями, органами местного самоуправления и их должностными лицами.

Вышеназванное положение приказа Генерального прокурора Российской Федерации основано на перечисленных в ст. 6 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» мерах, среди которых антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов (п. 2).

В своей деятельности на данном направлении прокурорам следует внимательно подходить к правовому статусу органа (лица), издавшего тот или иной нормативный правовой акт.

К примеру, в силу ст. 35 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Федеральная палата адвокатов Российской Федерации (далее – ФПА) является общероссийской негосударственной некоммерческой организацией, объединяющей адвокатские палаты субъектов Российской Федерации на основе обязательного членства. ФПА является юридическим лицом, имеет смету, расчетный и другие счета в банках в соответствии с зако-

нодательством Российской Федерации, печать, штампы и бланки со своим наименованием.

ФПА подлежит государственной регистрации в порядке, установленном федеральным законом о государственной регистрации юридических лиц. Решения ФПА и ее органов, принятые в пределах их компетенции, обязательны для всех адвокатских палат и адвокатов.

В силу ст. 37 вышеназванного закона Совет ФПА является коллегиальным исполнительным органом Федеральной палаты адвокатов. Совет Федеральной палаты также:

разрабатывает и утверждает единые методики соблюдения стандартов оказания квалифицированной юридической помощи и других стандартов адвокатской профессии;

утверждает рекомендации по вопросам дисциплинарной практики, существующей в адвокатских палатах;

определяет размер вознаграждения президента и вице-президентов, других членов Совета ФПА, адвокатов – членов комиссии по этике и стандартам, членов ревизионной комиссии ФПА в пределах утвержденной Съездом сметы расходов на содержание ФПА;

осуществляет иные функции, предусмотренные настоящим Федеральным законом и уставом ФПА, а также направленные на достижение целей деятельности ФПА, предусмотренных п. 2 ст. 35 настоящего Федерального закона;

разрабатывает и утверждает единые методики соблюдения стандартов.

Согласно ст. 11 данного закона Положение о порядке сдачи квалификационного экзамена и оценки знаний претендентов, а также перечень вопросов, предлагаемых претендентам, разрабатываются и утверждаются Советом Федеральной палаты адвокатов.

С учетом изложенного, а также руководствуясь положениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами», Совет ФПА может принимать (издавать) норматив-

ные правовые акты в пределах предусмотренной законом компетенции.

С учетом того, что ФПА является общероссийской негосударственной некоммерческой организацией, она поднадзорна прокурорам соответствующего уровня.

Одним из примеров нормативных правовых актов, принимаемых Советом ФПА, является Положение о порядке сдачи квалификационного экзамена и оценки знаний претендентов, утвержденное решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 07.03.2023 (протокол № 20) (далее – Положение).

Отдельные нормы данного Положения требуют пристального внимания через призму проверки наличия коррупциогенных факторов.

К примеру, п. 2.4 Положения изложен в следующей редакции:

«Претенденты, изменявшие место постоянного жительства и место учета в качестве налогоплательщика, допускаются к сдаче квалификационного экзамена и приобретают статус адвоката в квалификационной комиссии субъекта Российской Федерации, в котором они были зарегистрированы по постоянному месту жительства и состояли на налоговом учете не менее чем за год до момента обращения с заявлением о присвоении статуса адвоката.

Однако при наличии обстоятельств, свидетельствующих о действительном изменении места постоянного жительства (приобретение недвижимого имущества, изменение места жительства либо места работы членов семьи претендента, необходимость лечения и др.), такие претенденты вправе обратиться в Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации с заявлением о согласовании в качестве места сдачи квалификационного экзамена места регистрации по постоянному месту жительства.

Решение Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации о согласовании места сдачи квалификационного экзамена является основанием допуска к сдаче квалификационного экзамена в квалификационной комиссии, определяемой в соответствии с абзацем 2 настоящего пункта».

Наибольшее количество вопросов вызывают абз. 2 и 3 п. 2.4 Положения, поскольку они содержат сразу три коррупциогенных фактора, перечисленных в п. 3 методики проведения антикорруп-

ционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», а именно:

а) широта дискреционных полномочий – отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения Советом ФПА, выраженных в открытом перечне обстоятельств, свидетельствующих о действительном изменении места постоянного жительства лица, а также отсутствие сроков рассмотрения заявления о согласовании в качестве места сдачи квалификационного экзамена места регистрации по постоянному месту жительства;

б) определение компетенции по формуле «вправе» – диспозитивное установление возможности совершения Советом ФПА действий в отношении граждан, подавших заявление о согласовании в качестве места сдачи квалификационного экзамена места регистрации по постоянному месту жительства;

в) выборочное изменение объема прав – возможность необоснованного установления исключений из общего порядка для граждан и организаций по усмотрению Совета ФПА, возможность согласования либо отказа в согласовании по вышеназванному обращению и исключение из общего порядка.

В настоящее время видится актуальным вопрос совершенствования методики проверки прокурором нормативных правовых актов и их проектов, в том числе изданных некоммерческими организациями; установления единообразной практики на данном направлении работы; расширения границ прокурорского видения вопросов антикоррупционной экспертизы.

По результатам настоящего исследования имеются основания рекомендовать органам прокуратуры соответствующего уровня обратить внимание на необходимость проверки отдельных норм Положения и решения о применении соответствующих мер реагирования.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, КРИМИНОЛОГИИ, УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

В.А. Агаян,
старший преподаватель
Ростовского института (филиала)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

Реалии новой цифровой преступности

Внедрение цифровых и совершенствование информационных технологий – определяющий вектор развития многих современных государств. Технологии не только прочно вошли в жизнь современного человека, но и значительно ее упростили, сегодня достаточно сложно представить совершение даже простых задач без участия цифровых технологий, программ или роботов.

Совершенствование цифровых программ, популяризация искусственного интеллекта (далее – ИИ) и переход многих отношений в виртуальную реальность не только улучшают жизнь человека в настоящее время, но и создают определенные трудности. С развитием информационных технологий совершенствуются и навыки современных злоумышленников, появляются изощренные мошеннические схемы, новые составы преступлений и развитие криминальных структур.

На сегодняшний день персональные данные составляют основу виртуального, цифрового профиля человека, но механизм противодействия хищению персональных данных не совершенен. Даже ИИ, который изначально создавался для упрощения жизни человека, служит преступным целям, являясь своеобразным средством совершения преступления.

Широкое распространение доступности мобильных устройств и беспроводных технологий, создание условий для оказания государственных услуг в электронном формате является основным вектором в Стратегии развития информационного общества Российской Федерации и включает более 34 млн участни-

ков. Статистические данные говорят о почти 110 млн аудитории пользователей сети «Интернет», из которых 70 млн активные пользователи социальных сетей и почти 60 млн люди, использующие мобильные приложения¹.

Цифровая трансформация, являясь главным трендом развития государственной деятельности и многих сфер жизни современного человека, меняет не только способ государственного управления, ведения бизнеса, но и в целом некоторую структуру общества. Нельзя отрицать увеличение потенциальных киберугроз в связи с развитием цифровизации и появление все более инновационных способов информационных атак. Именно этим обусловлены необходимость долгосрочного и автоматизированного подхода к кибербезопасности и адаптация законодательства к подобному развитию: подготовка законодательной базы в сфере цифровизации определенных сфер жизни.

Ответственное поведение и во многом даже правовое регулирование необходимо в связи с резким ростом количества рисков в информационной среде. Теневой стороной развития цифровых технологий становится появление новых видов преступлений – развитие DarkNet, создание вредоносных компьютерных программ, опасная виртуальная реальность и разработка преступных схем с участием ИИ, создание и распространение фейковых материалов.

Именно свободное размещение личной информации, фотографий и видеороликов несет опасность создания фейковых аккаунтов. Совсем недавно представители одной из цифровых компаний опубликовали данные о ежемесячной аудитории активных пользователей сети, из более 2,5 млрд пользователей количество фейковых аккаунтов составляет почти 25%.

Вышесказанное подтверждает такое явление, как информационная свобода, которая стала одним из элементов демократизации общества. Однако в рамках этого процесса возникает целый комплект рисков правового характера². Создание и использование массовых медийных продуктов, основанных на ИИ, раз-

¹ Как изменилась аудитория Facebook: данные официальной статистики // Facebook URL: <https://www.facebook.com/groups/1658679397737295> (дата обращения: 17.09.2022).

² *Трансформация права в цифровую эпоху: монография* / под ред. А.А. Васильева; Минобрнауки России; Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 2020.

работка новых анонимных программ и систем, развитие инновационных направлений информационной безопасности ставят проблему уровня готовности нормативно-правовой основы Российской Федерации к развивающимся информационным технологиям и их правовому регулированию.

Цифровизация есть основа не только развития информационного общества, но и основа правовых рисков новой реальности. Правовые риски цифровой реальности основаны во многом на эволюции преступной деятельности посредством внедрения информационных технологий. Представляется, что цифровизация преступной деятельности не имеет финальной точки, так как в настоящее время можно говорить о вытеснении традиционных компьютерных технологий более современными разработками.

Сегодня в контексте совершения преступлений обсуждают несколько технологий, которые видоизменяют преступность: виртуальную реальность, DarkNet (сверханонимный теневой Интернет) и ИИ, который является основой для двух наиболее проблемных в сфере правового регулирования, но прибыльных в преступной сфере разработках – Deepfake и фишинг.

Виртуальная реальность определяется как «созданный техническими средствами мир, передаваемый человеку через его ощущения: зрение, слух, обоняние, осязание и другие. Виртуальная реальность имитирует как воздействие, так и реакции на воздействие»¹.

С помощью технологии виртуальной реальности можно совершать различные по своей направленности преступные действия от «клеветы» до «публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма». Обширное использование виртуальной компьютерной среды для социального взаимодействия порождает классическое противоречие и противостояние, а также интеграцию реальных сред с устройствами, которые могут воздействовать на пользователя в реальном мире.

DarkNet, или теневой Интернет, – это анонимная компьютерная сеть, в которой можно найти все – от оружия до наркоти-

¹ *О разработке стратегии национальной кибербезопасности Российской Федерации: состояние, предпосылки, механизмы и перспективы: библиодосье по информационно-библиографическим ресурсам Управления библиотечных фондов. М., 2013. С. 28.*

ков. Информация о DarkNet, как правило, недоступна для интернет-сообщества и скрыта от пользователей обычной сети «Интернет». Пользователей сети DarkNet практически невозможно отследить в силу организации данной сети, т.е. невозможно отследить место и юрисдикцию, в которой находятся участники данной сети.

Искусственный интеллект определяется как компьютерная система или программа, которая имитирует интеллектуальное поведение человека на основе самодетерминированности. ИИ позволяет преступнику автоматизировать работу, ранее требующую интеллектуальной вовлеченности человека.

Важно отметить, что ИИ самообучается на основе анализа большого массива информации, которую он извлекает вследствие обработки данных. Данная технология постоянно совершенствуется при минимальном влиянии на ее программный код.

Интеллектуальную систему, изначально не предназначенную для совершения противоправных действий, можно научить такому поведению. В таком случае преступником будет являться лицо, обучившее ИИ подобному поведению и использовавшее его как средство для совершения своего преступного деяния.

Еще одной технологией является Deepfake – создание реалистичных аудиовизуальных материалов на основе ИИ, генеративно-состязательной нейронной сети (GAN). Посредством машинного обучения искусственные нейронные сети на реальном наборе аудио-, видео- и фотоматериала учатся генерировать реалистичный поддельный контент. После процедуры обучения ИИ можно продуцировать поддельные записи с выбранной персоной.

Поскольку ИИ потенциально дает возможность генерировать любую фальшивую информацию, в скором времени нам придется столкнуться с новыми общественно опасными деяниями, поэтому необходимо принятие систематизированных нормативных правовых актов и разработка мер в сфере противодействия подобным информационным угрозам.

Государство не успевает за новыми вызовами современного общества и поэтому вносит точечные изменения в правовое регулирование цифровизации разных сфер жизни общества, однако сохранение традиционных правовых институтов видится все бо-

лее трудным и практически невозможным в условиях развития и потенциальных возможностей ИИ.

С развитием информационных технологий и быстротечности процесса цифровизации особое значение приобретает обеспечение на государственном уровне защиты цифровых прав личности в виртуальном пространстве, представляющих собой конкретизацию универсальных прав человека на основе закона, и правоприменительных актов. В то же время государство создает благоприятные условия для применения информационных и коммуникационных технологий¹.

К сожалению, на сегодняшний день практически отсутствует правовое регулирование со стороны государства в сфере информационной безопасности, а многие нормативные правовые акты носят разрозненный, отсылочный характер. Неодинаковый подход со стороны законодателя, правоприменителей и создателей некоторых цифровых технологий, не до конца изученные возможности ИИ создают множество правовых рисков и угроз для безопасности человека, общества и государства.

Глобализм навязывает цифровизацию как безальтернативную форму социального общения, когда через осознанное или неосознанное, но добровольное принятие электронных правил игры субъекты права вступают в мировой тоталитарный порядок.

Информационные технологии приобрели глобальный трансграничный характер и стали неотъемлемой частью всех сфер деятельности личности, общества и государства. Их эффективное применение является фактором ускорения экономического развития государства и формирования информационного общества. Информационная сфера играет важную роль в обеспечении реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

¹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

В.А. Бабаева,
аспирант Московского
государственного института
международных отношений
(университета) Министерства
иностраннных дел России

История возникновения и развития киберпреступности в США

Киберпреступность является одной из новейших категорий преступности, а также одной из самых сложных при расследовании или при разработке надлежащего правового ответа на новейшие тенденции в этой сфере. Данная проблема обосновывается стремительной эволюцией технологий, а вместе с ними и новыми методами совершения киберпреступлений, в связи с чем возникают сложности с криминализацией, так как новые виды киберпреступности могут не входить в число тех деяний, которые уже были криминализованы. На данный момент доходность киберпреступности для злоумышленников можно сопоставить с доходом, который получают лица, занимающиеся незаконным оборотом наркотиков¹.

В этой работе уделяется внимание генезису преступлений в сфере компьютерной информации и разработке надлежащего правового ответа на данный феномен. Социокультурный феномен, сформировавшийся вокруг преступлений в сфере компьютерной информации, оказал колоссальное влияние на общество в целом в связи с его стремительной цифровизацией. Пользователи сети «Интернет» значительную часть времени проводят в киберпространстве, что сказалось на их менталитете и восприятии мира.

Современная киберпреступность является прямым продуктом той системы общественных взаимоотношений, которые сформировались в 70-е годы прошлого столетия. В рамках данной модели была заметна трансформация традиционных человеческих ценностей, в частности, одним из главных стремлений

¹ Гундерич Г.А. Состояние киберпреступности // Науч. вестн. Крыма. 2018. № 4 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-kiberprestupnosti> (дата обращения: 05.04.2023).

являлись анонимизация и снижение социальных взаимодействий¹.

Киберпреступность обладает высоким уровнем латентности². При этом такие правонарушения, как кибербуллинг, нарушение авторских прав, могут не восприниматься простыми гражданами как преступления. Например, нарушение авторских прав регулируется гражданским законодательством и не является уголовно наказуемым деянием в некоторых странах. Многие потерпевшие не обращаются в правоохранительные органы, так как не считают компьютерные преступления серьезными, что приводит к правовому нигилизму с обеих сторон: злоумышленники считают свою незаконную деятельность безнаказанной, а потерпевшие не сообщают о преступлениях в правоохранительные органы, потому что думают, что не добьются должного правосудия.

Процесс развития киберпреступности можно разделить на два этапа. Основным фактором, способствовавшим наступлению второго этапа развития киберпреступности, является внедрение сети «Интернет» в массовое пользование.

Первый этап развития киберпреступности характеризуется исключительной редкостью преступных посягательств на цифровую инфраструктуру, так как на тот исторический период ЭВМ представляли собой дорогостоящее и громоздкое оборудование, доступное ограниченному кругу лиц, что заметно усложняло возможность вмешательства извне.

В этот отрезок времени, 50–60-е гг., начала зарождаться субкультура, которая впоследствии оказала существенное влияние на особенности современного хакерского сообщества. В 1950-е гг. популярной практикой стал телефонный фрикинг³. Заинтересованные лица изучали принципы работы телефонов, выясняли или придумывали комбинации, чтобы перенять протоколы, которые позволяли работать с сетями на расстоянии, а также платить меньше за междугородние звонки или совершать бесплатные звонки в любую точку мира.

¹ Бавсун М.В. Киберпреступность как закономерный продукт современного общества // Криминолог. журн. 2019. № 2.

² Najma I. Samsuri, Suhaila & Abu Seman. Cybercrime an emerging challenge for internet users: An overview // Sindh University Research Journal (Science Series). 2018. Vol. 50.

³ Ross. A. Hacking Away at the Counterculture // Postmodern Culture. 1990. Vol. 1. № 1.

Предполагаемый основатель данного движения Джо Энгрессиа был слепым с рождения, но обладал обостренным слухом¹. Он обнаружил, что, составляя комбинации из специальных звуков на частоте 2600 Гц, может управлять телефонными системами и совершать звонки в любую точку мира бесплатно². Сотрудники телефонных линий, не подозревая, что их линии могут быть взломаны, могли ответить на любой вопрос клиента, чем воспользовался Энгрессиа, получив впоследствии необходимые данные для создания нужных ему комбинаций, которыми активно делился с другими энтузиастами.

Другими известными личностями в указанной сфере являются Джон Дрейпер, а также основатели компании Apple Стив Возняк и Стив Джобс. Результатом их работы стал так называемый «синий ящик», созданный в 1975 г. Эти электронные устройства позволяли злоумышленникам совершать бесплатные телефонные звонки в любую точку мира³. «Синие ящики», или «Blue box», заметно облегчали телефонный фрикинг, поскольку теперь необходимую комбинацию можно было набрать на устройстве с помощью кнопок, вместо того чтобы «наиграть» посредством свистка.

В этот период зафиксированы первые попытки взлома ЭВМ, однако эти действия совершались не из корыстных побуждений, а в целях проверки уязвимостей систем и собственных знаний в сфере IT. Данная категория хакеров, которые занимаются этическим взломом в интересах компании-разработчика, получила название «белые хакеры». Этот факт является опровержением распространенного заблуждения, что понятие «хакер» синонимично понятию «киберпреступник»⁴.

Взлом Кевином Митником Пентагона в 1979 г., а также обострение идеологического противостояния в рамках холодной войны заставило правительства всерьез задуматься об усилении мер кибербезопасности в целях минимизации рисков нанесения

¹ Zhang Y. Xiao Y. et al. A survey of cyber crimes // Security and communication networks. 2012. Vol. 5. № 4.

² Fail J. Strunk C. Conversation with Joybubbles // Pittsburg Post-Gazette. 1998.

³ Rosenbaum R. Secrets of the Little Blue Box // Esquire Magazine. 1971.

⁴ Sabillon R. Cano M. et al. Cybercrime and Cybercriminals: A Comprehensive Study // International Journal of Computer Networks and Communications Security. 2016. № 4.

ущерба информационной инфраструктуре и предотвращения кибершпионажа. В результате в 1985 г. Министерство обороны США опубликовало Критерии оценки надежных компьютерных систем, также известные как «Оранжевая книга», которые содержали рекомендации по оценке степени доверия к программному обеспечению, обрабатывающему секретную или другую конфиденциальную информацию, и совокупность мер безопасности, которые производители должны встроить в свои коммерческие продукты.

Второй этап развития киберпреступности начался в 1990-е гг. с внедрением всемирной сети. В декабре 1995 г. во всем мире было зарегистрировано около 16 млн пользователей Интернета, а к маю 2002 г. это число возросло до 580 млн – почти 10% населения мира. При этом распространение Интернета было неравномерным, более 95% подключений располагались в США, Канаде, Европе, Японии и Австралии.

В 1990-е гг. была произведена первая крупная операция против хакеров, названная SunDevil¹. В рамках этих операций правоохранительные органы 14 городов США задержали злоумышленников, которые подозревались в краже номеров кредитных карт и прочих данных пользователей интернет-сети. Пойманные хакеры давали показания друг против друга в обмен на судебный иммунитет. Этот случай нанес серьезный удар по сообществу киберпреступников и развеял иллюзию безнаказанности и полной свободы действий в сети «Интернет».

В 2010 гг. было совершено много громких атак и взломов, которые начали сказываться не только на безопасности данных отдельных пользователей Интернета, но и на национальной безопасности целых государств. Примерами таких атак являются атака саудовского хакера 0xOMAR, который опубликовал в Интернете данные более 400 тыс. кредитных карт², а также появление в сети секретной информации из Агентства национальной безопасности США в результате деятельности бывшего сотрудника ЦРУ Эдварда Сноудена.

¹ DeJarvis O. Randolph A.B. Hacker Definitions in Information Systems Research // Journal of Computer Information Systems. 2022. № 62 (2).

² Whitmore P. Current Cyber wars // Cyber conflicts and Small States. Routledge: 2016.

Проблема отсутствия специальных знаний о кибербезопасности у большинства граждан остается актуальной, что позволяет злоумышленникам разрабатывать новые виды финансовых махинаций¹. Так, в апреле 2020 г. сообщалось, что личная информация около 267 млн пользователей Facebook была выставлена на продажу в Даркнете (англ. DarkNet – «темная сеть», или «тенивая сеть», сегмент Интернета, который скрыт из общего доступа. – *Ред.*). При этом цена на эти данные составляла лишь 400 фунтов стерлингов. Ровно через год инцидент повторился, но в этот раз были украдены данные 533 млн пользователей². Хотя среди украденных данных не было паролей, база включала в себя имена, даты рождения, номера телефонов, адреса электронной почты и идентификаторы.

Инновацией в хакерском сообществе являются создание и продажа готовых вредоносных ПО, которыми может воспользоваться любой потенциальный злоумышленник, не имеющий продвинутых знаний в сфере IT. К примеру, в Даркнете начинающий злоумышленник может приобрести за 5 тыс. долл. программу для взлома банкоматов с подробными инструкциями по эксплуатации и техническим обслуживанием, которая периодически обновляется в зависимости от нововведений в системах безопасности банков³.

Таким образом, пример развития киберпреступности в мире, от насвистывания определенной звуковой комбинации в телефонную трубку до похищения личных данных миллионов пользователей крупнейшей социальной сети, говорит об экспоненциальном росте темпов, который в ближайшем будущем будет все сложнее спрогнозировать.

¹ *Shumsky D.N.* To the question of the legal essence of crimes in the sphere of information technologies // International scientific review of the problems of law. Collection of scientific articles II International scientific specialized conference. Boston: Problems of science. 2018.

² *Holmes A.* 533 million Facebook users' phone numbers and personal data have been leaked online // Business Insider. 2021.

³ Хакеры вышли в масс-маркет // Коммерсантъ. 2017. 19 окт.

С.М. Бадоян,
старший преподаватель кафедры
правосудия и правоохранительной
деятельности института права
и управления Тульского
государственного университета

**Место и время как элементы криминалистической
характеристики изготовления и оборота материалов
или предметов с порнографическими изображениями
несовершеннолетних**

Негативные тенденции к увеличению числа преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, вызывают тревогу и озабоченность как органов власти различного уровня, так и сотрудников правоохранительных органов. Вследствие этого законодательное установление уголовной ответственности за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних – объективная реакция со стороны любого цивилизованного государства.

Следует отметить, что любой вид преступления выступает самостоятельным объектом криминалистического изучения. Как следствие, для формирования криминалистической характеристики преступлений определенного вида и выработки на ее основе методических рекомендаций по расследованию необходимо установление и типизация ключевых элементов такой преступной деятельности, закономерностей ее отражения в виде материальных и идеальных следов.

Не ставя цель анализировать все элементы криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений, представляется необходимым остановиться на рассмотрении сведений о пространственных и временных особенностях совершения изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних как важных элементах криминалистической характеристики преступления. Наряду с другими элементами криминалистической характеристики преступления названные элементы выделяются и исследуются в работах видных ученых-криминалистов Р.С. Белкина,

А.Н. Колесниченко, А.В. Варданяна, А.Н. Васильева, И.А. Возгина, А.Ю. Головина и ряда других авторов¹.

Характеризуя с криминалистической точки зрения место и время совершения преступлений, связанных с изготовлением и оборотом порнографических материалов или предметов с изображениями несовершеннолетних, необходимо отметить следующее.

Во-первых, выбор такого места и времени находится в корреляционной связи со способом и мотивацией совершения рассматриваемых деяний, личностью преступника и направленностью криминальной деятельности преступных формирований, а также особенностями подбора жертв.

Во-вторых, различные места и время совершения преступлений существенно отличаются друг от друга в зависимости от того, изготавливаются, перемещаются, хранятся, распространяются, публично демонстрируются либо рекламируются материалы или предметы с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

Как показывают результаты проведенного исследования, местом изготовления материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (съемки, тиражирования) могут выступать:

место жительства лица, совершившего преступление, во многих случаях совпадает с местом жительства потерпевшего (при родственных связях, совместном проживании);

номера отелей, гостиниц, арендованные квартиры, дома, притоны;

фото- и видеостудии, в том числе специально созданные для съемок детской порнографии;

места временного нахождения и возможного обнажения несовершеннолетних (например, спортивные раздевалки, душевые, спальни в детских лагерях);

подъезды, подворотни, лесопосадки, лесная зона парков, скверов и другие, как правило, малолюдные места;

¹ См.: *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: в 3-х т. Т. 3. М.: Юристъ, 1997. С. 315; *Варданян А.В., Мельникова О.В.* Криминалистическая характеристика преступлений в сфере незаконного оборота немаркированной алкогольной продукции // *Юристъ-Правоведъ.* 2008. № 4. С. 106; *Головин А.Ю.* Криминалистическая систематика. М.: ЛексЭст, 2002. С. 132.

производственные и офисные помещения, в том числе при изготовлении печатной продукции, других предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

Время совершения преступлений, связанных с изготовлением материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, как правило, зависит от других элементов механизма совершения таких деяний и нередко избирается с целью их сокрытия. Например, изготовление подобной продукции осуществляется в позднее вечернее или ночное время в одиночку или узким кругом лиц.

Как отмечалось ранее, распространение и иные действия по обороту детской порнографии преимущественно совершаются с использованием современной компьютерной техники и телекоммуникационных технологий. В следственно-судебной практике выявляются случаи продажи материалов и предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних через торговые точки, пересылки таких материалов почтой, однако доля такой реализации (доставки, обмена) в настоящее время относительно невелика.

Учитывая глобальность телекоммуникационных сетей, с их использованием место и время совершения рассматриваемых преступлений могут быть различными. Преступники, совершающие такие деяния, могут находиться в разных регионах страны и даже за рубежом¹.

Чаще всего местом хранения и распространения детской порнографии с использованием ресурсов сети «Интернет», современных программ-мессенджеров и других цифровых инструментов удаленного обмена данными в большинстве случаев выступает место жительства преступника. Лишь в отдельных случаях подобные преступления совершались по месту работы или учебы, в том числе с использованием служебной компьютерной техники.

В ряде изученных случаев преступник распространял (демонстрировал) материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, находясь в различных местах и с использо-

¹ Давыдов В.О. Методика расследования экстремистских преступлений, совершенных в компьютерных сетях. М., 2014.

ванием переносных компьютерных устройств (смартфонов, планшетных компьютеров, ноутбуков). При этом в целях сокрытия преступлений преступник может подключаться к общественным или принадлежащим другим лицам беспроводным сетям передачи данных (Wi-Fi).

В отдельных случаях преступления рассматриваемого вида совершаются лицами, находящимися в местах лишения свободы.

Подводя итог изложенному, отметим, что система типовых сведений, составляющих криминалистическую характеристику преступлений, связанных с изготовлением и оборотом порнографических материалов или предметов с изображениями несовершеннолетних, не должна оставаться статичной, ее следует постоянно уточнять и дополнять в дальнейшем.

В.С. Зорин,
аспирант Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

Участие сторон в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции путем использования систем видео-конференц-связи

Цифровизация уголовного судопроизводства сейчас приобретает стремительное развитие и глобальные масштабы и представляет собой неизбежный, обусловленный жесткой объективной реальностью процесс, детерминированный цифровизацией общественных отношений и повсеместным использованием новых технологий. Впрочем, этот процесс по своей сути довольно сложен и должен быть чувствителен к гарантиям обеспечения прав человека. В противном случае информационные технологии могут как поглотить собой отдельные права подсудимого, потерпевших, так и в целом превратить право на справедливый суд в химеру, сделать его иллюзорным, призрачным.

Одной из таких информационных технологий, которые в последнее время стали неотъемлемой частью уголовного процесса,

является видео-конференц-связь. В настоящее время судебные заседания, в том числе по уголовным делам, повсеместно проводятся в формате видеоконференции. Вместе с тем широкое применение видео-конференц-связи, принося неоспоримые преимущества, порождает и ряд проблем.

Одна из системных проблем, которая в начале 2023 г. получила концептуальное разрешение, – участие подсудимого в заседании суда первой инстанции посредством видео-конференц-связи в случаях, когда его непосредственное участие затруднено в силу объективных причин¹.

Статьей 241¹ УПК РФ предусмотрено, что судебное заседание при наличии технической возможности может осуществляться путем использования систем видео-конференц-связи (за исключением рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей). Указанное решение может быть принято по ходатайству стороны или по инициативе суда в определенных законом случаях, к которым, например, можно отнести:

невозможность или крайнюю затруднительность непосредственного участия подсудимого или иного участника уголовного судопроизводства со стороны защиты и обвинения в судебном заседании по состоянию здоровья или по другим объективным и уважительным причинам;

необходимость обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства;

обеспечение судопроизводства в разумный срок.

При наличии соответствующих оснований и технической возможности суд, рассматривающий уголовное дело, поручает суду, администрации места содержания под стражей, администрации учреждения или органа, исполняющих наказание, по месту нахождения лица, участвующего в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи, организовать его участие в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи (ч. 7 ст. 241¹ УПК РФ).

Обязанность обеспечить проведение судебного заседания путем использования систем видео-конференц-связи возлагается

¹ См.: Федеральный закон от 29.12.2022 № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

на суд-инициатор¹. Судебные заседания проводятся в специально технически оборудованном для этого помещении, оснащенном комплексом технических средств для проведения видео-конференц-связи, которое пригодно для размещения участников судебного процесса и дает возможность реализовывать предоставленные им процессуальные права и выполнять возложенные процессуальные обязанности.

Вместе с тем, разрешив одни проблемы и «процессуальные несправедливости», внесенные в уголовно-процессуальный закон изменения породили новые, связанные с проверкой обоснованности судебного решения об участии подсудимого в судебном заседании посредством видео-конференц-связи. Например, когда подсудимый заявил ходатайство о непосредственном участии в судебном заседании, в случае принятия судом решения о невозможности обеспечения его непосредственного участия или доставки в суд (или выездного заседания), в том числе если подсудимый представляет угрозу (опасность) жизни или здоровью других участников судебного процесса в силу своего заболевания; или же, напротив, когда подсудимый не желает своего доставления в суд и просит провести заседание с его участием из учреждения, в котором он находится.

В силу ч. 4 ст. 7 УПК РФ определения суда должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Порядок вынесения судом определения регламентирован ст. 256 УПК РФ, в силу которой определение суда об участии подсудимого или иного участника уголовного судопроизводства в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи выносится судом в виде протокольного определения.

Представляется, что введенные Федеральным законом от 29.12.2022 № 610-ФЗ изменения в части участия подсудимого в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи не в полной мере согласованы с приведенными положениями закона. Не является секретом, что, несмотря на равноправие сторон обвинения и защиты, участие отдельных ка-

¹ См.: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний».

тегорий участников уголовного судопроизводства в судебном заседании имеет определенные особенности, связанные с механизмом реализации их процессуальных прав и обязанностей, с соблюдением предусмотренных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами процессуальных гарантий.

К объективно уязвимой категории относится подсудимый, который в случае несогласия с решением суда о проведении судебного заседания с его участием путем использования видео-конференц-связи (или без ее использования) скован протокольным характером судебного определения и сможет обжаловать его только вместе с итоговым судебным решением по делу в его отношении. Представляется, что указанное судебное определение в отношении подсудимого должно выноситься судом в совещательной комнате и излагаться в виде отдельного процессуального документа как судебное решение по делу промежуточного характера, подлежащее самостоятельному обжалованию.

Другим вопросом, заслуживающим упоминания, следует назвать обеспечение возможности подсудимого для беспрепятственного конфиденциального общения со своим защитником (адвокатом). Указанное предусмотрено нормой ч. 9 ст. 241¹ УПК РФ. Вместе с тем в настоящее время механизм реализации данного положения не определен. Возникает вполне логичный вопрос: что будет являться критерием эффективности обеспечения конфиденциального общения подсудимого со своим защитником, какие требования должны быть соблюдены?

Действительно, право подсудимого на защиту при проведении судебного заседания с его участием путем использования видео-конференц-связи может быть реализовано только при условии эффективного обеспечения его конфиденциального общения с защитником. Производство в целом является справедливым, когда подсудимому предоставляется возможность оспорить достоверность доказательств и возразить относительно их использования. Вместе с тем отсутствие, например, законодательного регулирования дистанционного предъявления материальных объектов и определенные объективные трудности в их исследовании могут привести к нарушению права подсудимого на справедливый суд.

Подытоживая изложенное, необходимо отметить, что широкое применение технических инноваций особенно остро ставит вопрос о правовом регулировании достижений научно-технического прогресса, в том числе и в такой чувствительной к правам человека сфере, как уголовное судопроизводство. Внедрение современных технологий в уголовное судопроизводство должно сопровождаться, прежде всего, повышением доступности правосудия, обеспечением гарантий прав его участников и только после этого погоней за процессуальной экономией. Поэтому видео-конференц-связь как продукт современных технологий следует рассматривать не только как нормативно формализованное средство коммуникации, которое используется участниками уголовного судопроизводства, но и как одну из гарантий реализации права на справедливый суд.

Итак, с учетом тех задач, которые сейчас стоят перед судебной системой, без сомнения, механизм видео-конференц-связи является необходимым и важным для оперативности судебного рассмотрения. Тем не менее его применение не может существенно ограничивать процессуальные права подсудимого и иных участников. Сама же видео-конференц-связь должна обеспечивать не просто формальное присутствие подсудимого и иных участников процесса в зале судебного заседания, а их эффективное участие в судебном процессе, которое включает в себя, прежде всего, право видеть, слышать и наблюдать за тем, что происходит в судебном заседании, без технических препятствий.

Поэтому следует иметь в виду, что использование системы видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве при очевидных преимуществах имеет крайне существенный недостаток в виде ограничения прав подсудимого на конфиденциальное общение со своим защитником и, как следствие, может привести к нарушению права на защиту.

А.В. Машкова,
аспирант Воронежского
государственного университета

Проблемные аспекты объективной стороны ятрогенных преступлений

В науке уголовного права преступления, связанные с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, именуются ятрогенными¹. Это связано с употребляемым в медико-правовой среде термином «ятрогения», которым обозначают «любые нежелательные или неблагоприятные последствия профилактических, диагностических и лечебных вмешательств либо процедур, которые приводят к нарушению функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидизации или смерти; осложнения медицинских мероприятий, развившиеся в результате как ошибочных, так и правильных действий или бездействий врача»².

С учетом вышеизложенного данная категория преступлений характеризуется наличием совершенного медицинским работником общественно опасного деяния, общественно опасных последствий в виде ятрогении и причинной связи между указанными деянием и последствиями. Однако в теории и практике возникают дискуссии по вопросу квалификации ятрогенных преступлений по признакам их объективной стороны, что нередко приводит к разным правовым оценкам аналогичных общественно опасных посягательств.

Общественно опасное деяние как признак объективной стороны ятрогенного преступления в обобщенном виде может быть определено как ненадлежащее оказание медицинской помощи, состоящее в наличии недостатков (дефектов), допущенных медицинским работником в процессе исполнения им своих профессиональных обязанностей. Оценка правомерности оказания медицинской помощи, требующая специальных познаний в области медицины, осуществляется судебно-медицинским экспертом при

¹ Улезько С.И. Понятие ятрогенных преступлений // О-во и право. 2018. № 2 (64).

² Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи: методич. рекомендации (утв. ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России 21.06.2017).

производстве соответствующей судебно-медицинской экспертизы. Выявляемые при этом конкретные недостатки, допущенные при осуществлении медицинской деятельности, состоят в нарушении нормативно установленных положений об организации оказания медицинской помощи, ее порядков и стандартов, а также клинических рекомендаций, в соответствии с которыми она организуется и оказывается¹. Дискуссионным и значимым для квалификации ятрогенных преступлений является характер (обязательный либо рекомендательный) данных медико-правовых регламентирующих документов, прежде всего клинических рекомендаций и разрабатываемых на их основе стандартов медицинской помощи, констатация нарушения которых экспертом может привести к установлению признаков ненадлежащего оказания медицинской помощи.

Так, в литературе отмечается необоснованность применения к определению правомерности деятельности врача клинических рекомендаций как документов, содержащих доказательства различного уровня убедительности и достоверности, без учета этого фактора правоприменителем, делающим однозначный вывод о ненадлежащем характере исполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей при выявлении фактов нарушения указанных рекомендаций².

Представляется верным учет при оценке ятрогений положений всех из названных нормативных актов в сфере здравоохранения ввиду осуществления медицинскими работниками своей профессиональной деятельности в соответствии с содержащимися в них предписаниями, определяющими клинически обоснованный способ оказания медицинской помощи.

Понятие «оказание» по своему семантическому значению предполагает совершение активных действий, однако применительно к ятрогенным преступлениям считаем целесообразным понимать ненадлежащее оказание медицинской помощи в широком смысле, а именно в активной и пассивной формах. Последняя

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

² Шаповалов К.Г., Сумин С.А., Ярославкин Р.А. Клинические рекомендации как юридическая основа уголовного преследования медработника // ЭНИ Забайкальск. мед. вестн. 2021. № 1.

должна отражать невыполнение предусмотренной законодательством обязанности медицинских работников по оказанию медицинской помощи гражданам¹, т.е. как неоказание медицинской помощи. Предлагаемая классификация ненадлежащего оказания медицинской помощи на активную и пассивную формы имеет практическое значение, поскольку в правоприменительной деятельности отсутствует точное разграничение неоказания помощи больному и невыполнения обязанности по оказанию медицинской помощи пациенту как ненадлежащего исполнения своей профессиональной обязанности, что требует квалификации деяния по ст. 124 УК РФ или по ч. 2 ст. 109 УК РФ либо по ч. 2 ст. 118 УК РФ при наличии соответствующих общественно опасных последствий.

Так, суд сделал вывод о правильной квалификации деяния участкового врача-педиатра С. по ч. 2 ст. 109 УК РФ в связи с тем, что при исполнении своих обязанностей С. не отнеслась с должным вниманием к клиническим проявлениям патологии, недооценила тяжесть состояния ребенка, не проанализировала все имеющиеся данные с момента начала наблюдения, не назначила проведение дальнейших диагностических мероприятий, и в результате указанное бездействие врача-педиатра С. привело к неустановлению правильного диагноза, прогрессированию заболевания и наступлению смерти пациента². В данном случае бездействие медицинского работника не является признаком неоказания помощи больному ввиду того, что здесь имеет место неисполнение врачом своих профессиональных обязанностей надлежащим образом, а именно в полном объеме, свидетельствующее о пассивной форме совершения ятрогенного преступления.

Сложность уголовно-правовой квалификации состоит в неоднозначной оценке пассивной формы ненадлежащего оказания медицинской помощи в теории и на практике. Так, представляется верной позиция, согласно которой в ч. 2 ст. 124 УК РФ неоказание помощи больному имеет характер «чистого» бездействия, а ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональ-

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

² Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 04.02.2021 по делу № 22-377/2021. URL: <https://kraevoy--stv.sudrf.ru> (дата обращения: 12.04.2023).

ных обязанностей в пассивной форме, т.е. в случае неисполнения своих обязанностей, применительно к ч. 2 ст. 109 УК РФ – «смешанного» бездействия¹. При указанном подходе по ст. 124 УК РФ бесспорно квалифицируется полное бездействие, т.е. отказ медицинского работника от осуществления мероприятий по оказанию медицинской помощи. Однако дискуссионной остается уголовно-правовая оценка оказания медицинской помощи не в полном объеме. Например, частичное непроведение лечебно-диагностических манипуляций, свидетельствующее о ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей.

Разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 124 и 109, 118 УК РФ, при пассивной форме ненадлежащего оказания медицинской помощи, как указывается в юридической литературе, может быть проведено с учетом лексических формулировок, отмеченных в диспозициях норм: в ст. 124 УК РФ – если это повлекло причинение средней тяжести или тяжкого вреда здоровью либо смерть, а в ст. 109 УК РФ – причинение смерти (тяжкого вреда) здоровью². Согласно семантическому значению слов, употребляемых законодателем в анализируемых нормах, «чистое» бездействие медицинского работника не является причиной наступления общественно опасных последствий, а последние наступают под воздействием такого поведения данного субъекта, но в результате развития заболевания у пациента. С учетом этого бездействие медицинского работника при неоказании помощи больному выполняет роль условия наступления смерти либо вреда здоровью, иначе говоря, состоит в допущении наступления общественно опасных последствий по причине неисполнения профессиональной обязанности.

В связи с изложенным вполне обоснованным является сделанный в научной литературе вывод о необходимости квалификации содеянного по ст. 124 УК РФ в случае, если медицинский работник не прерывает запущенную другим явлением (например, заболеванием) причинную связь к смерти, и по ч. 2 ст. 109 УК РФ – если медицинский работник запускает причинную связь к смер-

¹ *Пикуров Н.И.* Неоказание помощи больному: квалификация и отграничение от смежных составов // *Вестн. Волгоград. ин-та бизнеса.* 2011. № 1 (14). С. 217.

² *Хромов Е.В.* Вопросы квалификации смерти пациента // *Уголовное право.* 2021. № 11. С. 48.

ти¹. Стоит отметить, что неактивный характер бездействия выполняет роль пассивной обуславливающей причины, поскольку своим невмешательством в развитие причинной связи не препятствует наступлению общественно опасных последствий.

При этом предлагаемый подход к разграничению составов преступлений, предусмотренных ст. 124 и 109, 118 УК РФ, изменяет используемую в настоящее время конфигурацию причинной связи как процесса взаимодействия между явлениями, имеющего порождающий, а не обуславливающий либо способствующий характер.

Однако при квалификации и необходимой для этого экспертной оценке неблагоприятных исходов в медицинской деятельности подлежит установлению наличие или отсутствие прямой причинной связи допущенного медицинским работником недостатка оказания медицинской помощи с наступившими общественно опасными последствиями². С учетом этого в правоприменительной практике обуславливающий характер связи бездействия медицинского работника и наступившего неблагоприятного исхода не воспринимается как условие, а получает выражение в процессуальных документах как причина негативных для жизни и здоровья пациента последствий.

Так, бездействие врача К., который оставил больного в комнате ожидания приемного отделения больницы, не приняв меры к госпитализации и оказанию медицинской помощи, квалифицировано судом по ч. 2 ст. 124 УК РФ, поскольку согласно выводам эксперта между неоказанием помощи врачом К. и наступлением смерти пациента имеется прямая причинная связь, так как смерть пациента наступила от имевшихся у него травм, но сохранение жизни было возможным при условии оказания ему медицинской помощи³. Изложенное свидетельствует об отождествлении причин и условий неблагоприятных исходов медицинской деятельности.

¹ *Радов В.В.* Проблемы квалификации ятрогенных преступлений // Евраз. адвокатура. 2021. № 3 (52). С. 63.

² Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи: методич. рекомендации (утв. ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России 21.06.2017).

³ Приговор Мичуринского городского суда Тамбовской области от 14.04.2016 по делу № 1-364/2015 (1-6/2016). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KLQG1wZaC7rx/> (дата обращения: 12.04.2023).

Как показывает анализ материалов следственно-судебной практики и научной литературы, установление четких критериев для разграничения двух форм бездействия применительно к неоказанию помощи больному и к причинению смерти либо тяжкого вреда его здоровью вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей затруднительно. Это обусловлено сложностью уголовно-правовой оценки деяний, совершаемых в сфере здравоохранения, требующей специальных познаний. В связи с этим для обеспечения единообразия в правоприменительной деятельности при квалификации ятрогенных преступлений по признакам объективной стороны представляется целесообразным унифицировать нормы уголовного закона об ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи.

С.С. Мельник,
аспирант Московского государственного
института международных
отношений (университета)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации

Актуальные вопросы международного сотрудничества в борьбе с экстремизмом в странах Шанхайской организации сотрудничества

В последние годы вопрос о необходимости осуществления сотрудничества для эффективного противодействия преступности в целом не стоит. Этот факт признан мировым сообществом, и на основе норм международного права формируется система уже регионального сотрудничества между различными странами в самых разных уголках земного шара. В контексте этой статьи будет рассмотрен опыт стран Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС) в борьбе с экстремизмом как одной из наиболее актуальных проблем в регионе.

Конститутивным является тот факт, что сама проблема распространения экстремистской идеологии признается в мире.

Например, в странах мусульманской правовой семьи борьба с такими крайними идеями восходит еще к Арабскому халифату и Османской империи¹. Тем не менее на универсальном уровне правового регулирования до сих пор не установлена ответственность за совершение таких, безусловно, опасных противоправных деяний. Во многом это связано с различием в определении экстремизма и квалификации конкретных случаев. Опыт ШОС в этом контексте представляет особый интерес. Именно в рамках этой международной организации впервые было установлено правовое регулирование понятия «экстремизм», закрепленное еще в Шанхайской конвенции по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 05.06.2001². В 2017 г. вышеупомянутая конвенция была дополнена Конвенцией Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 09.06.2017. Так, в ст. 9 устанавливается юридическая ответственность за совершение деяний, которые подпадают под экстремизм, экстремистский акт, финансирование экстремизма и др. Эта ответственность может быть гражданско-правовой, административной и уголовно-правовой (зависит от юридической техники государств-членов и правовых традиций).

Ввиду особой актуальности проблемы экстремистских действий необходимо представить систему правового регулирования борьбы с экстремизмом в государствах – членах ШОС. Ее можно охарактеризовать следующим образом:

борьба с экстремизмом на международном уровне, которая выражается в закреплении основополагающих начал и норм сотрудничества с другими субъектами международного права (на универсальном уровне соответствующих международных соглашений нет, их принятие является одним из возможных способов гармонизации подходов различных стран, правовых семей в установлении понятийного аппарата и юридической ответственности);

¹ A short history of the Ottoman Empire // The University of Tasmania Law Review. Renée Worringer, University of Toronto Press, 2021.

² Волеводз А.Г., Ализаде В.А. Международно-правовые подходы к противодействию экстремизму: материально-правовые и процессуальные аспекты // Междунар. уголовное право и междунар. юстиция. 2018. № 6.

борьба с экстремизмом на региональном уровне, где происходит углубленное сотрудничество в рамках отдельных региональных организаций по различным направлениям деятельности (ШОС пока первая и единственная международная организация, в рамках которой были приняты конвенции, регулирующие институциональные основы борьбы с экстремизмом);

борьба с экстремизмом на национальном уровне, которая обусловлена исторической преемственностью норм и правовых институтов, криминологическим подходом противодействия преступности и реальным состоянием преступности в стране (ШОС как региональная организация объединяет страны, которые относятся к различным правовым семьям, имеют свои особенности юридической техники, уникальные правовые традиции и правовую культуру).

За последние 20 лет существования ШОС проблема экстремизма всегда требовала последовательного, системного подхода для подготовки правовой базы, обмена опытом между правоохранительными органами и аналитическими (исследовательскими) центрами. Все это является составной частью борьбы с «тремья силами зла», к числу которых относятся сепаратизм, экстремизм и терроризм¹. Эффективное противодействие при этом невозможно без надлежащего международного сотрудничества, именно поэтому система координат, предложенная в рамках региональных международных соглашений, должна быть незыблемой основой при взаимодействии с другими странами. Криминологические меры должны также быть ориентированы на конститутивные принципы отрицания криминала, учитывая профилактические меры по противодействию преступности².

На данный момент существует ряд мер, выработанных в рамках организации ШОС, которые направлены на эффективное противодействие экстремизму. Это позволяет укрепить интеграционные связи между государствами-членами, а также привлечь

¹ Xue Y., Makengo B.M. (2021). Twenty Years of the Shanghai Cooperation Organization: Achievements, Challenges and Prospects // Open Journal of Social Sciences. № 9.

² Шестак В.А. Об основных принципах системы профилактики правонарушений // Б-ка уголовного права и криминологии. 2014. № 4 (8).

в организацию новых членов, для которых проблема борьбы с экстремизмом в равной степени будет актуальной.

Одним из наиболее эффективных инструментов является созданная 7 июня 2002 г. Региональная антитеррористическая структура (РАТС), которая позволяет реализовывать ряд комплексных мер, в том числе принимать решения, которые регламентируют вопросы практического сотрудничества правоохранительных органов, взаимодействовать с компетентными органами государств-членов, обмениваться опытом и методиками борьбы с экстремизмом¹.

Отдельным направлением является сотрудничество с международными и региональными организациями, государствами-наблюдателями и другими странами (Афганистан, Монголия, Турция, Армения и др.). В связи с этим анализ текущих мер борьбы с экстремизмом представляет особый научный интерес, дальнейшее развитие сотрудничества может иметь многосекторный характер.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сама проблема экстремизма до сих пор не теряет своей актуальности. Опыт ШОС по созданию правовой основы противодействия терроризму, экстремизму и сепаратизму может и должен быть использован применительно к другим международным региональным организациям. Помимо этого, гармонизация законодательства стран в этой области – необходимое условие установления универсальных международно-правовых основ в области борьбы с экстремизмом.

¹ История и миссия РАТС ШОС // Сайт РАТС ШОС. URL: <https://ecrats.org/ru/about/history/> (дата обращения: 20.01.2023).

Е.А. Постоева,
аспирант Московского государственного
института международных
отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации

Российское и иностранное правовое регулирование противодействия использованию краудфандинга в целях финансирования терроризма

Под краудфандингом (crowd – «толпа», funding – «финансирование» или народное финансирование) понимается использование онлайн-платформ для привлечения денег, направленных на реализацию различных проектов. Принцип работы таких платформ достаточно прост. Лицо публикует информацию о своем проекте на платформе (например, Planeta, Kickstarter, GoGetFunding, Boomstarter и пр.), а также указывает сумму и сроки сбора. Краудфандинг может быть безвозмездным, условно возвратным (предзаказ продукции), а также возвратным (инвестиционным), предполагающим получение, например, акций или части собственности¹.

Развитие таких платформ и аккумулярование больших средств на них стало привлекательной средой для совершения противоправных деяний, в том числе для сбора средств в целях совершения террористических актов. Как следует из отчета ФАТФ о новых рисках финансирования терроризма, для сокрытия реальных целей сбора средств террористы используют объявления, содержащие двусмысленные формулировки или предлог сбора средств на благотворительные нужды, а также преступники размещают информацию не в текстовом виде, а в изображениях или видео, что крайне осложняет обнаружение с помощью стандартных поисковых систем².

¹ *Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019.*

² URL: www.fatf-gafi.org/publications/methodsandtrends/documents/emerging-terrorist-financing-risks.html (дата обращения: 01.05.2023).

Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма 2018 г. относит к рискам совершения операций, связанных с финансированием терроризма, использование новых технологий, которые основаны на принципе краудфандинга¹. Кроме этого, в соответствии с проведенной национальной оценкой рисков финансирования терроризма в 2022 г. риск использования краудфандинговых платформ в целях привлечения средств для финансирования терроризма оценивается как высокий². Это означает, что террористы и террористические группы могут разместить на специализированных платформах реквизиты банковских карт, электронных кошельков и виртуальных активов для осуществления сбора средств в террористических целях.

В России правовое регулирование инвестиционных платформ осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – закон о краудфандинге), который направлен на регулирование коммерческого краудфандинга, т.е. сбор средств осуществляется в целях ведения юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями коммерческой деятельности. Инвестирование может осуществляться путем предоставления займов, приобретения ценных бумаг, утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов (ст. 5). Следовательно, весь некоммерческий краудфандинг, используемый для благотворительных, социальных или гуманитарных проектов, не входит в сферу регулирования закона.

Закон о краудфандинге устанавливает требования, которые применяются как к самим инвестиционным платформам, так и к лицам, привлекающим инвестиции. В соответствии со ст. 11 инвестиционная платформа обязана вести реестр договоров, позволяющий идентифицировать стороны. Контролирует деятельность по организации привлечения инвестиций Банк России, который

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5310> (дата обращения: 28.04.2023).

² URL: <https://www.fedsfm.ru/content/files/отчеты%20нор/национальная%20оценка%20рисков-фт.pdf> (дата обращения: 01.05.2023).

ведет реестр операторов инвестиционных платформ и имеет право исключить из реестра оператора в случае, если в течение года происходило неоднократное нарушение предписаний Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Статья 14 закона о краудфандинге предусматривает, что лицо не может привлекать инвестиции, если оно включено в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму (национальный перечень), или в перечни организаций и физических лиц, связанных с террористическими организациями и террористами или с распространением оружия массового уничтожения, который составляется в соответствии с гл. VII Устава ООН (международный перечень).

В ряде юрисдикций можно увидеть достаточно интересное и подробное регулирование противодействия использованию краудфандинга в незаконных целях. В Европейском союзе действует Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2020/1503 от 07.10.2020 «О европейских поставщиках услуг краудфандинга для бизнеса, а также об изменении Регламента (ЕС) 2017/1129 и Директивы (ЕС) 2019/1937»¹ (далее – Регламент). Под сферу действия Регламента подпадает финансирование предпринимательской деятельности, т.е. краудфандинг, основанный на кредитовании и инвестициях (п. 1–3). В п. 32 Регламента содержится указание на риски отмывания денег и финансирования терроризма с использованием краудфандинга. Такие риски могут быть снижены путем определения условий для получения официального разрешения на деятельность краудфандинговой платформы, а также оценки репутации физического лица, ответственного за управление такой платформой.

Краудфандинговые платформы должны выполнять требования о должной осмотрительности в соответствии со ст. 5 Регламента. Минимальный уровень должной осмотрительности включает в себя проверку наличия или отсутствия судимости лица,

¹ URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32020R1503> (дата обращения: 01.05.2023).

привлекающего инвестиции, а также его регистрации в стране с высоким риском отмывания денег или финансирования терроризма.

В марте 2023 г. депутаты Европейского парламента одобрили более строгие правила для устранения пробелов в борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма. В проекте новых правил указывается на необходимость обеспечения регулирования краудфандинговых платформ, не подпадающих под сферу действия регламента (п. 13)¹.

Как пример регулирования в сфере противодействия использованию некоммерческого краудфандинга в целях финансирования терроризма можно рассмотреть Директиву для членов Ассоциации адвокатов Кипра по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма². В п. G.1.5 указано, что некоммерческие и благотворительные организации (далее – НКО) могут использоваться террористическими группами для сбора или прикрытия для перевода средств в поддержку террористических актов. Такой сбор или перевод может быть осуществлен путем создания фиктивной НКО или проникновения террористов в НКО, действующую с действительно благотворительной целью. Кроме того, НКО может действовать в качестве посредника или прикрытия для перемещения средств, а также для оказания административной поддержки террористическому движению.

К характеристикам в деятельности НКО, указывающим на то, что они используются в террористических целях, может относиться нецелевое использование средств, несоответствие между размерами финансовых транзакций и целями деятельности НКО, внезапное увеличение объемов финансовых операций, использование крупных сумм наличных денег, отсутствие перечислений от вкладчиков, находящихся в месте регистрации НКО.

Таким образом, риски использования краудфандинга в целях финансирования терроризма признаются как на международ-

¹ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing 2021/0239 (COD). URL: [https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?reference=2021/0239\(COD\)&l=en](https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?reference=2021/0239(COD)&l=en) (дата обращения: 01.05.2023).

² URL: http://www.cyprusbarassociation.org/files/laundrying/CBAs_AML_Directive_2019.pdf (дата обращения: 01.05.2023).

ном, так и на внутригосударственном уровне. Общая тенденция заключается в том, что под действие требований «антиотмывочного» законодательства подпадает только коммерческий краудфандинг, т.е. к сборам средств на краудфандинговых платформах с благотворительными, социальными или гуманитарными целями такие законы применяться не будут.

Однако некоторые страны обеспокоены существующим пробелом. Например, в ЕС в настоящее время разрабатываются новые правила для того, чтобы все краудфандинговые платформы получили единообразное регулирование и сфера действия «антиотмывочных» правил распространялась на все виды краудфандинга. В связи с этим интересен опыт Кипра, где прямо обозначаются подозрительные характеристики в деятельности НКО при использовании краудфандинга. Такой подход может быть учтен в работе по совершенствованию правового регулирования в сфере противодействия использованию некоммерческого краудфандинга в целях финансирования терроризма.

П.В. Пошелов,
старший преподаватель
кафедры уголовного
права и процесса
Сибирского юридического
университета

Вопросы квалификации посягательств на мемориальные объекты, связанные с защитой Отечества

В современном мире вопросы охраны мемориальных объектов, связанных с защитой Отечества, приобретают особую актуальность. Увеличивается количество посягательств на такие объекты, особенно за пределами Российской Федерации. В связи с этим был проведен анализ следственной практики по таким уголовным делам, на основании чего было сформулировано предложение по изменению действующего уголовного законодательства.

В первую очередь интерес вызывает соотношение преступлений, предусмотренных ст. 243⁴ и 354¹ УК РФ (в части осквернения символов воинской славы России).

Состав преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, по отношению к составу, установленному в ч. 3 ст. 354¹ УК РФ, является смежным, поскольку иногда мемориальные объекты, защищаемые ст. 243⁴ УК РФ, можно считать символами воинской славы России. Но разными статьями наказываются различные действия: ст. 243⁴ УК РФ – уничтожение или повреждение, ст. 354¹ УК РФ – осквернение. Однако без должного реагирования остаются уничтожение либо повреждение символов воинской славы России (если они не являются мемориальными объектами), поскольку ч. 3 ст. 354¹ УК РФ наказывает только за осквернение.

В то же время нами в ходе анализа следственной практики были обнаружены неоднократные случаи квалификации такого действия, как осквернение, по п. «б» ч. 2 ст. 243⁴ УК РФ.

Так, в марте 2022 г. было возбуждено уголовное дело по факту осквернения военно-мемориального комплекса «Славин» в Словакии. Памятник облили синей и желтой краской¹.

В это же время в Афинах группа лиц нанесла желтой краской слово «Азов» (организация, признанная террористической на территории Российской Федерации) на памятник советским воинам-освободителям². В данном случае также было возбуждено уголовное дело по ст. 243⁴ УК РФ. Главным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации возбуждено четыре уголовных дела по фактам осквернения советских памятников в Германии – на них нанесли оскорбительные надписи краской³.

Можно предположить, что сделать выбор в пользу применения ст. 243⁴ УК РФ позволяет фраза «расположенных на территории Российской Федерации или за ее пределами», содержащаяся в этой статье.

Однако, во-первых, уточнение о том, что статью можно применять и при совершении преступления за пределами Российской Федерации, излишне, поскольку это и так можно сделать на

¹ URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1664978> (дата обращения: 17.12.2022).

² URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1666403> (дата обращения: 17.12.2022).

³ URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1675054> (дата обращения: 17.12.2022).

основании реального принципа действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц. Соответственно, никто не запрещает применять ст. 354¹ УК РФ в таких же ситуациях.

К тому же были найдены примеры подобных преступлений, совершенных на территории Российской Федерации. Так, в октябре 2022 г. лицу было предъявлено обвинение по ст. 243⁴ УК РФ за нанесение краской свастики на Памятный километровой столб № 39 на Дороге жизни и у металлического постамент «85-мм Зенитное Орудие», входящего в мемориальный комплекс «Разорванное кольцо» на Дороге жизни¹.

В августе 2022 г. в отношении нескольких лиц было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 214 и п. «а» ч. 2 ст. 243⁴ УК РФ. В ходе проверки было выявлено видео, на котором двое подростков прикуривают сигареты от Вечного огня на мемориальном комплексе, посвященном погибшим в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.²

Во-вторых, очевидно отсутствие объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, в вышеперечисленных примерах, что не позволяет применять эту статью. Но без внимания правоприменителей остается ст. 354¹ УК РФ.

Можно сделать предположение о том, что не все из предметов, которые были подвергнуты осквернению, можно признать в качестве символов воинской славы. Обычные памятники воинам-освободителям, вероятно, к таковым не относятся. Если же этот памятник изображает нечто особенное – подход другой. Так, по сообщениям ГСУ СК России, в марте–апреле 2022 г. неизвестные закрыли полотнищем советские танки Т-34 в парке Тиргартен в Берлине, входящие в ансамбль советского воинского мемориала. В этом случае уголовное дело возбуждено по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 354¹ УК РФ³.

Вместе с тем отмечены примеры квалификации осквернения иных памятников советским воинам (также в основном за пределами территории Российской Федерации) по ст. 354¹ УК РФ.

Например, 21 апреля 2021 г. группа лиц нанесла краской надписи на постамент памятника советским воинам-

¹ URL: <https://sledcom.ru/news/item/1735937> (дата обращения: 17.12.2022).

² URL: <https://sledcom.ru/news/item/1604627> (дата обращения: 17.12.2022).

³ URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1675054> (дата обращения: 17.12.2022).

освободителям, находящегося на Моравской площади в городе Брно Чешской Республики¹.

Кроме того, в декабре 2020 г. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 354¹ УК РФ. Следствием установлено, группа лиц облила краской находящиеся в общественном месте – на братском кладбище в городе Обяляй Литовской Республики – памятник бойцам Красной Армии и могильные плиты, а также нанесла оскорбительную символику в виде крестов и свастики². Однако в силу неудачного выбора законодателем родового и видового объекта этого преступления, возможны в таких случаях и решения о прекращении уголовных дел в связи с отсутствием вреда миру и безопасности человечества.

В чем же принципиальное различие между памятниками советским воинам, находящимися в Греции и Словакии (квалификация по ст. 243⁴ УК РФ) и в Чехии и Литве (квалификация по ст. 354¹ УК РФ)? Следственная и судебная практика должна стремиться к единственно правильному варианту квалификации.

Более того, иногда действия в отношении памятников, которые фактически являются уничтожением, квалифицируются по ст. 354¹ УК РФ, что тоже не совсем правильно. Так, в апреле 2020 г. был снесен памятник дважды Герою Советского Союза Маршалу Советского Союза Ивану Степановичу Коневу, установленный на территории чешского города Прага³. Содеянное было квалифицировано как публичное осквернение символа воинской славы России.

Все проблемы с таким правоприменением могут разрешиться в случае добавления в ст. 243⁴ УК РФ такого действия, как осквернение, а также расширить предмет этого преступления путем добавления символов воинской славы (с одновременным исключением такого признака из ч. 3 ст. 354¹ УК РФ). Тогда квалификация во всех вышеприведенных примерах следственной практики будет безошибочной и логичной.

¹ URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1562938> (дата обращения: 17.12.2022).

² URL: <https://sledcom.ru/news/item/1525066> (дата обращения: 17.12.2022).

³ URL: <https://sledcom.ru/news/item/1454798> (дата обращения: 17.12.2022).

А.Г. Романько,
аспирант Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

Конституционно-правовой принцип языка уголовного судопроизводства и его основные свойства

Конституция Российской Федерации определяет русский язык как государственный на территории всей страны и гарантирует равенство всех людей перед законом и судом независимо от языка, национальности, места жительства, гарантирует право каждого на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 1, 2 ст. 10, ч.2 ст. 26, ч.1 ст. 68 Конституции Российской Федерации).

Конституционные нормы о государственном языке нашли конкретизацию в специальном законодательстве о языке.

Так, в п. 4 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» указывается, что русский язык подлежит обязательному использованию «в конституционном, гражданском, уголовном, административном судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах, делопроизводстве в федеральных судах, судопроизводстве и делопроизводстве у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации».

Развитие указанных положений о языке нашло свое продолжение и на уровне процессуального законодательства.

Язык уголовного судопроизводства как самостоятельный принцип закреплен в ст. 18 УПК РФ. Его значимость сложно переоценить, поскольку он определяет порядок речевого общения, а также комплекс мер процессуального характера, направленных на обеспечение права участников уголовного судопроизводства, не владеющих или недостаточно владеющих языком, на котором ведется производство по уголовному делу, пользоваться родным языком, которым они владеют, включая их право бесплатно пользоваться переводчиком в установленном законе порядке.

Из системного анализа вышеприведенных норм, а также согласно позиции позитивистской классификации принципов права по источнику их закрепления¹ следует, что принцип языка судопроизводства относится к конституционным принципам права, продублированным в отраслевом законодательстве.

На основании указанных нормативных правовых актов рассмотрим содержание принципа языка уголовного судопроизводства через его свойства, которые отличают его от иных принципов процессуального права.

Главным свойством языка уголовного судопроизводства является его дуальность или двойственность, т.е. возможность ведения судопроизводства как на государственном языке Российской Федерации, так и на государственном языке республики.

Так, в федеральных судах республик Российской Федерации (Адыгея, Бурятия, Дагестан и др.) производство по делу наряду с русским языком может вестись на государственном языке республики (на двух языках), а в судах субъектов Российской Федерации (в частности, у мирового судьи) – на русском языке либо на государственном языке республики (ч. 1, 2 ст. 10 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (далее – закон о судебной системе)).

При этом в соответствии с ч. 1 ст. 10 закона о судебной системе судопроизводство и делопроизводство в Конституционном Суде Российской Федерации, Верховном Суде Российской Федерации, кассационных судах общей юрисдикции, апелляционных судах общей юрисдикции, арбитражных судах, военных судах ведутся на русском языке – государственном языке Российской Федерации.

Таким образом, русский язык используется преимущественно как государственный язык Российской Федерации, такое решение обеспечивает единство судебной системы и единство судебной практики.

Кроме того, принцип языка уголовного судопроизводства обладает межотраслевым характером, поскольку закреплен зако-

¹ Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Гос-во и право. 2014. № 5.

ном о судебной системе и в Уголовно-процессуальном кодексе и определяет, на каком языке ведется производство по уголовному делу: на государственном или на языке большей части населения местности, в которой находится суд.

Вместе с тем, как утверждает профессор Л.В. Головкин, возможность использования государственного языка республики в составе Российской Федерации в судопроизводстве нельзя считать альтернативой судопроизводству на русском языке. Во-первых, это затрагивает меньшинство субъектов Российской Федерации. Во-вторых, эта возможность не имеет продолжения в законодательстве о статусе судей – знание государственного языка не относится к требованиям, предъявляемым к кандидату на должность судьи (ст. 4 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»). В-третьих, государственный язык республики не обязательно отражает язык большинства населения¹.

Из анализа положений ст. 10 закона о судебной системе следует, что в случаях использования принципа государственного языка республики в верховном суде республики, краевом, областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа при обжаловании судебного акта участники судопроизводства лишаются права продолжить использование данного принципа в апелляционных и кассационных судах общей юрисдикции, т.е. вышестоящих судебных инстанциях.

Таким образом, принцип языка уголовного судопроизводства обладает свойством инстанционной зависимости, когда в одной и той же вертикали обжалования в одном суде исследуемый принцип может быть использован, а в другом нет.

Также принципу языка уголовного судопроизводства присуще такое свойство, как государственно-территориальная обусловленность, которая выражается в реализации указанного принципа исключительно республиками, входящими в состав Российской Федерации.

¹ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. фак., каф. Уголов. процесса, правосудия и прокурор. надзора. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2021. С. 287.

Исключительным правом устанавливать свой государственный язык и вести судебное производство на нем обладают не все субъекты Российской Федерации, а только имеющие статус республик.

Следует отметить, что иное решение вопроса о языке судопроизводства содержалось, например, в ст. 17 УПК РСФСР 1960 г.: «Судопроизводство ведется на русском языке или на языке автономной республики, автономной области, автономного округа или на языке большинства населения данной местности».

В настоящее время Конституция Российской Федерации не предусматривает для субъектов Российской Федерации, кроме республик, возможность устанавливать свои государственные языки.

Еще одним свойством, которым обладает принцип языка уголовного судопроизводства, является его языковая определенность – принцип включает в себя возможность ведения судопроизводства и делопроизводства только на законодательно установленном языке (русском либо национальном языке республики).

Однако такое свойство языка, как его языковая определенность, может вызвать затруднения в реализации права на доступ к правосудию у лиц, владеющих русским языком в достаточной степени, но не владеющих навыками чтения текста по причине ограниченности физических возможностей зрения в прочтении текстов документов, выполненных обычным (плоскопечатным) шрифтом.

Так, гражданин Г. в своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации оспаривал конституционность положения ч. 3 ст. 18 УПК РФ, указав на нарушение его права ознакомиться с приговором суда, изготовление которого не исключает использование рельефно-точечного тактильного шрифта Брайля, поскольку осужденный в достаточной степени владеет навыками чтения текста, выполненного таким шрифтом, и не в состоянии прочитать обычный (плоскопечатный) текст¹.

В своем определении Конституционный Суд Российской Федерации указал, что вручение осужденному, имеющему существенные нарушения функций зрения, текста приговора, выпол-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 № 2650-О.

ненно обычным шрифтом, не препятствует ознакомлению с его содержанием различными альтернативными способами. При этом ч. 3 ст. 18 УПК РФ предусматривает, что если в соответствии с данным Кодексом следственные и судебные документы подлежат обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, то указанные документы должны быть переведены на родной язык соответствующего участника уголовного судопроизводства или на язык, которым он владеет.

Таким образом, для лиц, не владеющих навыками чтения текста по причине ограниченности физических возможностей зрения в прочтении текстов документов, выполненных обычным (плоскопечатным) шрифтом, при осуществлении права на ознакомление с процессуальными документами не выработано четкого механизма его реализации.

Стоит отметить, что в определениях Конституционного Суда Российской Федерации¹ неоднократно указывалось на добросовестное использование участниками процесса своих процессуальных прав как на залог реализации конституционных принципов судопроизводства, недопустимость злоупотребления правом. При этом поиск баланса частных и публичных интересов при реализации принципа языка уголовного судопроизводства в конкретных уголовных делах представляет практический и научный интерес.

Отдельного внимания заслуживает проблема поиска баланса указанных интересов при осуществлении уголовного судопроизводства в отношении лиц с инвалидностью.

Заслуживает внимания позиция В.А. Илюхиной о закреплении комплекса гарантий, связанных с осуществлением судопроизводства с участием лиц с инвалидностью. Автор предлагает обеспечить сурдопереводчиком лиц с инвалидностью, если инвалидность связана со слухом или речью, по аналогии с переводчиком. Если инвалидность связана со зрением, то по уголовным делам лицу, участвующему в деле, обеспечивается доступность процессуальных документов и судебных актов путем предостав-

¹ Определения Конституционного Суда РФ от 14.12.2004 № 384-О, от 14.12.2000 № 269-О, от 17.10.2006 № 425-О, от 19.07.2011 № 17-П.

ления помощника за государственный счет. Что касается аналогичной ситуации в административном и гражданском деле, то получение помощника за счет государства возможно только в том случае, если инвалид докажет, что не имеет достаточных средств на оплату услуг помощника. В этом случае бесплатный помощник назначается по решению суда¹.

Полагаем, что представленный алгоритм реализации принципа языка уголовного судопроизводства позволит защитить права и интересы участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями здоровья и предотвратить злоупотребление правом со стороны недобросовестных участников уголовного судопроизводства.

О.Н. Сальникова,
младший научный сотрудник
НИИ Университета прокуратуры
Российской Федерации

Профилактика вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность

Все чаще общественную тревогу вызывают проявления деструктивного поведения среди несовершеннолетних и молодежи. Обусловлено это тем, что молодых людей, в особенности подростков, легче склонить к противоправным действиям, так как они в силу своих возрастных и психофизиологических особенностей развития в большей степени подвержены психологическому воздействию. В связи с этим возникает необходимость в усилении профилактики деструктивного поведения подростков и вовлечения таковых в противоправные действия.

Под вовлечением несовершеннолетнего в преступление или антиобщественные действия следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз,

¹ *Илюхина В.А.* Межотраслевой принцип языка судопроизводства в российском и армянском праве (сравнительный анализ) // Администратор суда. 2022. № 3.

так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий¹.

Правовые нормы содержат ряд составов, использующих в своих диспозициях термин «вовлечение»: ст. 6.10 и 6.23 КоАП РФ и ст. 150, 151, 151² УК РФ.

Стоит отметить, что оказать негативное влияние на подрастающее поколение в большей степени удастся посредством сети «Интернет», где внимание подростков и молодежи устремлено на использование социальных сетей и мессенджеров, в которых они подвергаются деструктивному контентному (экстремизм, секта, пропаганда насилия и т.д.) и коммуникативному (кибербуллинг, кибергруминг, секстинг, киберсталкинг и т.д.)² воздействию.

Становясь средством объединения различных, в том числе криминальных, субкультур, интернет-среда и особенно среда социальных медиа создала невиданные возможности для консолидации «своих» и дивергенции «чужих» по различным признакам. Стремление к самовыражению, привлечению публичного внимания и самопродвижению спровоцировало рост девиантных проявлений в социуме³. Подростки неосознанно репетируют предлагаемые им обществом роли, готовясь в перспективе стать «успешными» в мире взрослых.

Как следствие, отмечается рост проявлений криминальной субкультуры АУЕ⁴ в различных субъектах Российской Федерации, основным способом распространения которой, по сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации, выступает

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

² Кузнецова Е.В. Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних, продуцируемого контентом сети интернет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2019. С. 25.

³ Лисенкова А.А. Философия агрессии в цифровую эпоху // Профилактика деструктивного поведения в молодежной среде / сост. И.Ф. Шилаева, Ю.А. Федорова. Уфа: Изд-во БГПУ, 2019. С. 169.

⁴ Согласно решению Верховного Суда РФ от 17.08.2020 и дополнительному решению Верховного Суда РФ от 02.10.2020 международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» признано экстремистским и ликвидировано в соответствии с Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Сайт Минюста России. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 26.04.2023).

сеть «Интернет», где несовершеннолетние общаются в социальных группах, на форумах¹.

Основой идеологии АУЕ является пропаганда культа тюремных понятий и культуры, блатной романтики, тунеядства, воровства и других форм отклоняющегося поведения². Под воздействием экстремистской и криминальной идеологии участники АУЕ многократно нападали на мирных граждан, вовлекали в преступную деятельность детей и собирали с несовершеннолетних деньги для обеспечения заключенных. В зависимости от роли и степени участия их действия квалифицируются по ч. 2 ст. 280 УК РФ, ч. 1, 2 ст. 282¹ УК РФ и п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ.

Серьезную угрозу также представляют попытки подготовки вооруженных нападений на образовательные организации со стороны отдельных учащихся, находящихся под влиянием идей «Колумбайна» и других деструктивных субкультур, таких как «Маньяки Култ Убийц»³.

Так, прокуратурой Набережных Челнов в течение февраля 2023 г. вынесено несколько административных решений в отношении подростков за размещение в Telegram информации о движении «Колумбайн». Их действия были квалифицированы по ст. 20.3¹ КоАП РФ.

Невозможно оставить без внимания и вовлечение молодых граждан в протестную деятельность. Только в январе 2021 г. во многих регионах России по сведениям уполномоченного по правам ребенка на несанкционированных акциях в поддержку оппозиционера Алексея Навального⁴ было задержано порядка 300 несовер-

¹ Меркурьев В.В., Агапов П.В., Закомолдин Р.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристики движения АУЕ как явления криминальной субкультуры и экстремистской организации // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. 2023. № 1 (66).

² Там же.

³ Международное молодежное движение «Колумбайн» (решение Верховного Суда РФ от 02.02.2022 № АКПИ21-1059С), Международное движение «Маньяки Култ Убийц» (решение Верховного Суда РФ от 16.01.2023 № АКПИ22-1227С) включены в федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством РФ террористическими // Сайт Национального антитеррористического комитета. URL: <http://nac.gov.ru/nak-prinimaet-resheniya/predsedatel-nacionalnogo-antiterroristicheskogo-komiteta.html> (дата обращения: 26.04.2023).

⁴ 26 января 2022 г. Алексей Навальный включен в перечень физлиц, причастных к экстремистской деятельности или терроризму // Сайт Росфинмониторинга. URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> (дата обращения: 26.04.2023).

шеннолетних. Сторонники Алексея Навального распространяли в Интернете, соцсетях TikTok, «ВКонтакте», Twitter, Facebook, Instagram¹ и на YouTube призывы к участию несовершеннолетних в несанкционированных митингах по всей стране.

В настоящее время особое внимание уделяется вопросу склонения молодого и подрастающего поколения в экстремистскую, террористическую и диверсионную деятельность украинскими спецслужбами.

На состоявшемся в апреле текущего года заседании Национального антитеррористического комитета директор Федеральной службы безопасности Российской Федерации Александр Бортников заявил, что спецслужбы Украины и их «западные кураторы» развернули «идеологическую и вербовочную обработку» россиян, прежде всего молодого поколения. Он сообщил, что с февраля 2022 г. ведомством предотвращено 118 преступлений террористической направленности, которые хотели исполнить молодые люди и подростки, в том числе несовершеннолетние².

Так, с начала 2023 г. на территории Российской Федерации (Брянская и Московская области, город Новосибирск и др.) отмечается всплеск совершенных диверсий несовершеннолетними лицами. Например, в январе задержаны трое восьмиклассников, повредивших за вознаграждение ж/д пути в Подмоскowie «по заданию из Telegram» от неизвестного лица. В мае Ленинский суд Новосибирска заключил под стражу двух подростков, обвиняемых в диверсии. Им предъявлены обвинения по п. «а» ч. 2 ст. 281 УК РФ³.

Проблему вовлечения несовершеннолетних через социальные сети отмечает и заместитель секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Александр Гребенкин. Он утверждает,

¹ 21 марта 2023 г. Тверской суд Москвы удовлетворил иск Генеральной прокуратуры Российской Федерации и запретил деятельность социальных сетей Facebook и Instagram, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., признав их экстремистскими // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/03/2022/623882d99a79476d9ca054ab> (дата обращения: 26.04.2023).

² Сайт Национального антитеррористического комитета. URL: <http://nac.gov.ru/nak-prinimaet-resheniya/predsedatel-nacionalnogo-antiterroristicheskogo-komiteta.html> (дата обращения: 26.04.2023).

³ Сайт Ленинского районного суда г. Новосибирска. URL: http://leninsky.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1212 (дата обращения 15.05.2023).

что подростков заманивают в игры, суть которых заключается в распространении наркотиков и диверсиях на железной дороге. Дети выполняют «задания», после чего получают денежное вознаграждение¹.

Таким образом, развлекательно-досуговые устремления детей, подкрепляемые медийно-информационной средой, создают базис для их разрушительного поведения и являются средством склонения к нему.

Обезопасить подрастающее поколение от данного деструктивного воздействия возможно путем усиления профилактических мер, включающих в себя комплексную деятельность педагогов, психологов, родителей, правоохранительных органов по организации профилактической, воспитательной и просветительской работы с детьми.

Для этого следует обеспечить профессиональную переподготовку психологов и педагогов для работы в сети «Интернет»; мониторинг социальных сетей обучающихся с привлечением волонтеров; повышение правовой грамотности учащихся; педагогическое и психологическое посредничество; вовлечение обучающихся в социально одобряемую позитивную деятельность, в том числе в сети «Интернет», – волонтерскую, творческую, развивающую; внедрение в образовательную и воспитательную деятельность информационных памяток и телефонов доверия. Указанные механизмы представляется возможным реализовать в рамках Стратегии комплексной безопасности детей до 2030 года, проект которой сегодня находится в стадии разработки.

¹ «Выяснилось, что за диверсии – особо тяжкое преступление, им платили от 5 тыс. до 10 тыс. руб. Заказчиками же зачастую выступали представители украинских спецслужб и неонацистских группировок» // Сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3486/> (дата обращения: 11.05.2023).

А.Ю. Сердюк,
старший преподаватель кафедры
Крымского юридического
института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

Некоторые особенности субъекта преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ

Общественная опасность действий организаторов финансовых пирамид не вызывает дискуссий. При этом относительно небольшие статистические данные о количестве лиц (в 2016 г. – 2 лица, в 2017 г. – 12, в 2018 г. – 3, в 2019 г. – 1, в 2020 г. – 2, в 2021 г. – 0¹), привлеченных к уголовной ответственности по ст. 172² УК РФ, свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения состава данного преступления с целью его совершенствования.

Конструкция объективной стороны ст. 172² УК РФ, включающая понятие «организация», предполагает отсылку к Общей части УК РФ, регламентирующей вопросы ответственности организатора как соучастника преступления.

Согласно ст. 32, 33, 35 УК РФ роль организатора конкретного преступления может быть выделена только для умышленных преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору.

По мнению А.К. Субачева, соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более вменяемых и достигших возраста уголовной ответственности лиц в совершении умышленного преступления².

А.А. Арутюнов, критикуя законодательную дефиницию понятия организатор, обращает внимание на использование тавто-

¹ Судебная статистика Рос. Федерации // Агентство правовой информации. URL: <http://stat.апи-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 23.03.2023).

² *Субачев А.К.* Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2019.

логии и неправильное деление понятия, предлагая определить организатора как лицо, подготовившее или объединившее других лиц для совместного совершения преступления и (или) руководившее исполнением преступления¹. Ученый рассматривает организатора как ядро системы соучастия, которое поддерживает структуру и баланс между сохранением и развитием, определяет направленность действий соучастников, координирует их, планирует совершение преступлений.

Изложенное позволяет выявить дефект законодательной конструкции ст. 172² УК РФ, буквальное толкование которой предполагает ответственность исключительно организатора преступления. Такая формулировка не согласуется с Общей частью УК РФ, которая не предполагает возможность наличия организатора в преступлениях без исполнителя. Более того, ст. 172² УК РФ предполагает уголовную ответственность организатора в отсутствие иных соучастников преступления. В данном случае роль организатора в преступлении становится криминализирующим признаком, отграничивающим уголовное преступление от административного проступка, что нехарактерно для иных статей УК РФ и выбивается из общей концепции.

Последовательное развитие данной цепочки рассуждений приводит к обоснованию несостоятельности термина «организация» при формулировании диспозиции ст. 172² УК РФ и необходимости подбора иного, более емкого понятия для обозначения деяния как признака состава соответствующего преступления. Использование же термина «организация» приводит не только к искусственному сужению круга лиц, подпадающих под действие уголовного запрета, выводя из-под него остальных соучастников: исполнителей, пособников, подстрекателей, но и к необходимости привлечения к уголовной ответственности организатора преступления в отсутствие его исполнителя.

Для составления типичного портрета преступника – организатора финансовой пирамиды необходимо проанализировать его общие характеристики как человека, т.е. социально-демографические, психологические и биологические особенности. При этом для дан-

¹ Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

ного вида преступников отдельного внимания заслуживает изучение их образовательного уровня, наличие специфических знаний в области математики, экономики, юриспруденции, психологии, программирования, уровня владения текущей экономической ситуацией, спецификой ведения законной инвестиционной, предпринимательской, благотворительной и иной деятельности, которые используются для разработки механизма совершения преступления и ухода от уголовной ответственности.

Соотношение мужчин и женщин, совершивших преступления в сфере привлечения имущества, примерно одинаковое (55% мужчин и 45% женщин) с ярко выраженной тенденцией к сокращению данного разрыва (еще 30 лет назад доля мужчин составляла 70%). Преимущественное количество мужчин для того периода времени может быть объяснено тем, что в целом организаторами преступлений чаще выступали мужчины (96,2%). При этом приближенные к организатору женщины часто могут оказывать на него влияние, непосредственно определяя стратегию и тактику деятельности всего формирования.

Возраст преступника не является отличительным признаком для преступлений данной категории.

Отличительным признаком является наличие высшего образования и в целом высокий интеллектуальный уровень. Так, если в целом не более 28% мошенников имеют высшее образование, то у организаторов финансовых пирамид эта доля достигает 50%. Этот факт объясняется сложностью механизма совершения преступления, наличием разрыва в уровне знаний между «пирамидостроителями» и вкладчиками как в сфере внешней маскировочной деятельности, так и в области психологии, экономики, права. Нередко к преступной деятельности привлекаются узкие специалисты: психологи для разработки сценариев проведения лекций и семинаров, артисты – для шоу, маркетологи – для рекламы, юристы – для подготовки проектов договоров и учредительных документов. Для создания у вкладчиков иллюзии ведения законной деятельности «пирамидостроителям» необходимо обладать сведениями о сути и особенностях такой деятельности, владеть специфической для конкретной отрасли экономики терминологией. При этом доказывание наличия у мошенников таких знаний и профессиональных навыков свидетельствует о наличии умысла,

поскольку их образовательный уровень позволял им отличить законную экономическую деятельность от фиктивной.

Характеризует преступников данной категории и владение информацией о деятельности в регионе аналогичных конкурирующих организаций, информацией о социально-экономической обстановке в регионе и существующих специфических особенностях его населения¹.

Другим отличительным признаком является то, что значительная часть лиц, осужденных за совершение таких преступлений, – это люди, которые занимали руководящие должности в различных коммерческих организациях, государственных или муниципальных органах. Так, для деятельности организации с большим количеством сотрудников необходима четкая вертикаль управления с распределением обязанностей. Для обеспечения длительного функционирования такой структуры руководителям необходимы не просто организаторские способности, а конкретные навыки и умения в сфере менеджмента. Стоит отметить, что на подготовительном этапе финансовая пирамида требует значительных материальных затрат (на аренду офисов, концертных залов, оборудования, рекламу, заработную плату сотрудников, оплату услуг юристов, психологов), а длительный период деятельности нередко достигается за счет связей в правоохранительных органах, банках, местных администрациях, что также объясняет высокий социальный уровень таких преступников.

Более 90% указанных преступлений совершены в соучастии (в 55% случаев – от пяти участников). И это тоже один из отличительных признаков.

Приведенные статистические показатели подтверждают сложность построения финансовых пирамид и совершения соответствующих преступлений с их помощью, что также выделяет «пирамидостроителей» из массы мошенников.

К распространенным личностным качествам преступников данной категории относятся трезвый ум, быстрое критическое мышление, наблюдательность, уверенность в себе, готовность действовать, выдержка, упорство, предприимчивость, склонность

¹ *Белицкий В.Ю.* Криминалистическая характеристика личности преступника, совершившего мошенничество по принципу «финансовой пирамиды» // Бизнес в законе. 2007. № 3.

к риску, общительность, умение принимать решения, манипулировать людьми, быстро приспосабливаться к обстоятельствам.

Организаторы финансовых пирамид на всех этапах преступной деятельности, начиная с подготовки к совершению преступления, предпринимают меры по уходу от уголовной ответственности, маскировке противоправных действий, заранее продумывая позицию защиты. В большинстве случаев они готовы к общению с правоохранительными органами, имеют договоры с квалифицированными адвокатами, информированы о линии поведения, которое состоит в отказе явиться по вызову и дать показания.

Можно сказать, что организаторы деятельности по привлечению имущества представляют собой новый тип преступников, которые внутренне организованы, готовы к задержанию и настроены на противодействие расследованию.

Таким образом, субъект преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, в действующем уголовном законе определен как общий и порождает неопределенность в части возможности привлечения к уголовной ответственности сотрудников и активных вкладчиков финансовой пирамиды и коллизии с институтом соучастия в преступлении.

Ю.И. Тарасова,
заместитель прокурора
Пустошкинского района
Псковской области

Некоторые проблемы определения функции суда на предварительном слушании по уголовному делу

Значение функций участников уголовного процесса не стоит недооценивать, поскольку на правильном соотношении функций участников процесса построен основной принцип уголовного судопроизводства – принцип состязательности и равноправия сторон.

Несмотря на то что принцип состязательности появился в уголовно-процессуальном законодательстве с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г., обязывая суд обеспечивать равенство сторон и быть независимым при отправлении правосудия, единого мнения относительно выполняемых участниками уголовного судопроизводства функций не достигнуто до сих пор.

Спорным является вопрос о выполняемой судом функции на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию, в том числе и на предварительном слушании.

Функции суда в уголовном процессе в научной литературе обозначались по-разному. В дореволюционный период, говоря о принципе разделения функций, И.Я. Фойницкий, Н.Д. Сергеевский, Г.С. Фельдштейн, П.И. Люблинский, называли функцию суда функцией постановления решения по делу, разрешения дела по существу, суждения о деле¹. Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 г. и УПК РСФСР 1960 г. закрепили положения об осуществлении правосудия только судом², тем самым сводя функцию суда к осуществлению правосудия. В настоящее время функция суда в ст. 15 УПК РФ определена законодателем как разрешение уголовного дела, и ее действие охватывает все стадии уголовного процесса.

По нашему мнению, в ст. 5 УПК РФ роль суда как участника процесса в стадии подготовки дела к судебному разбирательству, а следовательно, и на предварительном слушании не определена должным образом.

Уголовно-процессуальное законодательство понятием судебного разбирательства охватывает стадию рассмотрения уголовного дела по существу судом первой инстанции³. Основное значение данной стадии состоит именно в разрешении главного вопроса уголовного судопроизводства, требующего максимальной реализации уголовно-процессуальных прав и обязанностей, процессуальных гарантий. По результатам судебного разбирательства «может быть опровергнута конституционная презумпция невиновности обвиняемого, удовлетворен гражданский иск, а также в полной мере обеспечено конституционное право потерпевшего на доступ к правосудию»⁴.

¹ Люблинский П.И. Новая теория уголовного процесса. Пг., 1916. С. 26; Сергеевский Н.Д. Русское уголовное судопроизводство. СПб., 1887. С. 12, 36, 39, 46; Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915. С. 68; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. Т. 1. СПб., 1912. С. 71–73.

² Сычев Д.А. Уголовно-процессуальные функции: эволюция понятия и системная основа // Право и политика. 2016. № 7.

³ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 865.

⁴ Там же. С. 866.

Важное значение стадии рассмотрения уголовного дела по существу подчеркивается и в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации путем отражения связи данной стадии с разрешением вопроса о виновности или невиновности лица, гарантий состязательности и равноправия сторон, создания необходимых условий для осуществления сторонами предоставленных им прав, а также для исполнения ими своих процессуальных обязанностей¹.

Принимая за основу позиции ученых и Верховного Суда Российской Федерации о том, что стадия рассмотрения уголовного дела по существу охватывается понятием судебного разбирательства и является стадией процесса, следующей за стадией подготовки дела к судебному разбирательству, мы отмечаем, что ст. 5 УПК РФ в определениях «суд» и «суд первой инстанции» не охватывает суд на стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Пункт 48 ст. 5 УПК РФ предлагает под судом понимать любой суд общей юрисдикции, рассматривающий уголовное дело по существу и выносящий решения, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. Согласно п. 52 ст. 5 УПК РФ под судом первой инстанции следует понимать суд, рассматривающий уголовное дело по существу и имеющий полномочия на вынесение приговора и принятие решений в рамках досудебного производства.

Таким образом, мы полагаем, что имеются дефекты юридической техники, требующие корректировки ст. 5 УПК РФ в целях обозначения суда, в том числе на стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Изучая такую форму подготовки дела к судебному разбирательству, как предварительное слушание, мы пришли к выводу о том, что предварительное слушание позволяет суду в условиях состязательного процесса разрешить вопросы, подлежащие рассмотрению на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Именно в возможности решить вопросы с участием сторон на предварительном слушании ученые видят отличие от «каби-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)».

нетной» формы подготовки к судебному заседанию. К примеру, как указывает В.В. Кальницкий, «основной признак общего порядка заключается в отсутствии сторон: все вопросы, подлежащие рассмотрению, судья разрешает самостоятельно, не вынося их на обсуждение участников процесса, то есть действует не в рамках судебного заседания»¹. Л.В. Головки именует предварительное слушание специальным судебным заседанием с участием сторон, проводимым в рамках подготовки к судебному разбирательству². Т.К. Рябина определяет предварительное слушание как особый порядок производства на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию, представляющий собой самостоятельную процедуру, обеспечивающую отправлению правосудия в первой судебной стадии специфическими средствами. Последние обусловлены как общими задачами стадии – по проверке материалов уголовного дела с целью установления наличия или отсутствия достаточных оснований и подготовке надлежащих условий для судебного разбирательства уголовного дела в случае установления таких оснований, так и задачами предварительного слушания – разрешения наиболее сложных и спорных вопросов, касающихся прав и законных интересов сторон и требующих принятия решения судьей с учетом их мнения³.

Вопреки указанному, по нашему мнению, ст. 15 УПК РФ, определяющая функцию суда как разрешение дела, не охватывает в полном объеме предварительное слушание.

Под разрешением дела в суде первой инстанции в свою очередь понимается деятельность суда, направленная на подготовку к судебному разбирательству, исследование, проверку и оценку собранных по делу доказательств и принятие итогового процессуального решения⁴. Однако не всегда на предварительном слу-

¹ *Стадия назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном процессе: учеб. пособие* / В.В. Кальницкий; Мин-во внутренних дел Рос. Федерации, Омск. акад. МВД России. Омск, 2018.

² *Курс уголовного процесса* / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 856.

³ *Рябина Т.К.* Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2021. С. 271–272.

⁴ *Кириллова Н.П.* Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2008. С. 22.

шании принимаются итоговые процессуальные решения, вынесение которых можно назвать разрешением уголовного дела.

Сами по себе основания для проведения предварительного слушания, закрепленные в ст. 229 УПК РФ, не предполагают обязательного разрешения уголовного дела. Разрешением уголовного дела можно назвать его прекращение на предварительном слушании, в том числе и с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Иные основания связаны с изменением движения уголовного дела и либо не предусматривают его дальнейшего движения, либо откладывают его на неопределенный срок. К таким относятся основания для возвращения уголовного дела прокурору, приостановления уголовного дела, выделения иного уголовного дела из первоначально поступившего в суд, соединения уголовных дел. Другие основания связаны с определением процессуальной формы: при рассмотрении уголовного дела по существу с участием присяжных заседателей; для решения вопроса о проведении судебного разбирательства в отсутствие подсудимого (заочное судебное разбирательство) по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, если подсудимый находится за пределами территории Российской Федерации, уклоняется от явки в суд и не был привлечен к ответственности за соответствующее преступление на территории иностранного государства.

С учетом изложенного результаты предварительного слушания нельзя сводить к разрешению уголовного дела, а действие принципа состязательности необходимо признать и при разрешении иных вопросов на предварительном слушании.

Таким образом, мы предлагаем пересмотреть используемую законодателем формулировку функции суда в ст. 15 УПК РФ, расширив ее применение, в том числе касаясь вопросов, не связанных с разрешением уголовного дела на предварительном слушании.

Е.В. Харченко,
магистрант Московского
государственного университета
им. М.В. Ломоносова

Проблемы понимания пытки при принуждении к даче показаний

Возможность создания реальных условий для реализации конституционного права граждан на защиту от жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения предполагает необходимость тщательной оценки любых законодательных изменений, прямо направленных на регулирование отношений в сфере противодействия представителям власти, прибегающим к насилию в ходе осуществления служебной деятельности.

Проблема противодействия такому особому проявлению насилия, как пытки, всегда вызывала широкий общественный резонанс, на волне которого были приняты изменения в УК РФ, которые преобразовали, в частности, признаки состава преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ¹. Новая структура статьи и ее квалифицирующих признаков не отождествляет пытку с любым насилием или издевательством. Описывая эту законодательную конструкцию, В.Н. Борков справедливо отметил, что в конечном итоге возникла проблема «отграничения пытки (ч. 3 ст. 302 УК РФ) от насилия и издевательств (ч. 2 ст. 302 УК РФ) как по их интенсивности, так и по объему разграничиваемых явлений»².

Автор предложил свое решение в сложившейся ситуации, которое, безусловно, представляет большую ценность для правоприменительной практики в условиях нечеткости закона. Так, по мнению В.Н. Боркова, можно выделить следующие критерии разграничения: от «обычного» насилия пытка отличается значительной продолжительностью и желанием виновного причинить сильную боль, физические страдания потерпевшему. В отличие

¹ Федеральный закон от 14.07.2022 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

² Борков В.Н. Принуждение к даче показаний с применением насилия, издевательств и пытки // Законность. 2023. № 1

от издевательств в понимании ч. 2 ст. 302 УК РФ пытка представляет собой глумление, бесчеловечное поведение, которое, с одной стороны, проявляется в отсутствии человеческого начала у виновного, с другой – в «расчеловечивании» личности потерпевшего, не в унижении, а в полном отрицании его человеческого достоинства¹. Следует признать абсолютно справедливым стремление к утверждению пытки в качестве своего рода «вершины» жестокого обращения с другим лицом, что по-прежнему не снимает актуальности с анализа предложенных законодателем норм, дифференцирующих пытки и иные проявления физического и психического насилия.

Несмотря на то что любые споры по вопросу эффективности или неэффективности, правомерности или критериев оправданности применения пыток признаются исследователями в качестве заранее движущихся по ложному пути, поскольку само применение пытки неприемлемо с моральной точки зрения и запрещено действующими нормами международного права², дебаты вокруг «расширенных техник допроса» (enhanced interrogation tactics), которые воспринимаются и учеными, и обычными гражданами в качестве простого эвфемизма для обозначения пытки³, привели к тому, что «частота, с которой возникают дискуссии о том, составляет ли конкретное деяние должностного лица пытку, бросает серьезный вызов популярной идее о том, что пытка легко отличима от менее жестоких тактик – что существует яркая линия, разделяющая пытку и другие формы жестокого обращения с лицом»⁴.

Исследователи утверждают, что само наше стремление дать оценку пыткам в процессе принуждения к даче показаний подвергается особому рода предвзятости, которую можно обозначить как свойство индивидов недооценивать значение внутреннего

¹ Борков В.Н. Указ. соч.

² Меньшиков П.В., Михина Л.К. Пагубность дискуссий в глобальном медийном пространстве о пересмотре норм международного права в сфере обеспечения защиты от пыток // Право и управление. XXI век. 2021. № 17 (4). С. 30.

³ Иванова Е.А., Корчевская М.А. Лингвистический прием эвфемии и его функции в массовых коммуникациях // Сибир. филолог. журн. 2011. № 1. С. 208.

⁴ McDonnell M.H.M., Nordgren L.F., Loewenstein G. Torture in the eyes of the beholder: the psychological difficulty of defining torture in law and policy // Vand. J. Transnat'l L. 2011. V. 44. P. 91.

эмоционального опыта на стадии принятия решений. Это когнитивное искажение, именуемое «разрывом в эмпатии между «горячим» и «холодным» («hot-to-cold empathy gap»), предполагает неспособность людей, которые не испытывают «горячие» эмоциональные состояния, характеризующиеся высоким напряжением (такие как голод, страх и, что немаловажно, боль) испытывать эмпатию по отношению к самим себе и другим людям в моменты нахождения в этом состоянии¹. Соответственно, оценка обществом или отдельными индивидами переносимых потерпевшими страданий при применении пыток будет существенно отличаться между теми лицами, которые были подвергнуты такому противоправному насилию и которые никогда с ним не сталкивались. Впрочем, остается открытым вопрос о том, преобладает ли в данной ситуации преувеличение боли со стороны жертв преступлений или ее хроническая недооценка со стороны противостоящего им социума (в том числе той его части, которая создает нормативные предписания).

Вместе с тем данные психологических исследований помогли зарубежным ученым обосновать тезис, в соответствии с которым как минимум знание о существующем искажении в наших подходах к пониманию пыток может привести к более последовательной выработке уголовно-правовой политики для борьбы с ними².

Подобные выводы означают, что разграничение насилия и издевательств от пытки по признаку интенсивности чрезвычайно субъективно, а потому значительно затруднено. Так, деяния, которые приводятся в пример в качестве издевательств, а не пытки, – «лишение положенного времени отдыха, сна, продолжительное нахождение в строю, принуждение к выполнению незаконных, например, со стороны сотрудника правоохранительного органа требований о выполнении работ, физических упражнений, к совершению действий, унижающих человеческое достоинство потерпевшего»³ – способны быть расценены как пытка в зависимости от их продолжительности, характеристик потерпевшего или отношения виновного к тому, какие акты причиняют именно

¹ McDonnell M.H.M., Nordgren L.F., Loewenstein G. Op. cit. P. 92.

² Ibid. P. 121.

³ Борков В.Н. Указ. соч.

сильную боль (физическую или равные ей нравственные страдания), достаточную для достижения поставленной последней цели. При этом различия в правовых последствиях между сопоставляемыми деяниями следует признать существенными, поскольку они выражаются в разнице как в нижних и верхних пределах санкций, так и в категории преступления.

Однако нельзя утверждать, что различие пытки и иного насилия по признаку интенсивности причиняемых страданий неудачно в принципе. Напротив, Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд), стандарты правоприменительной практики которого продолжают применяться в национальной правовой системе, обосновал критерии, определяющие ключевые характеристики пытки. Так, ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция) предполагает выделение пытки наряду с бесчеловечным или унижающим достоинство обращением или наказанием именно для того, чтобы особое клеймо «пытки» применялось только к умышленному бесчеловечному обращению, причиняющему весьма серьезные и жестокие страдания (*very serious and cruel suffering*)¹.

Следовательно, такой оценочный и вместе с тем гибкий подход к пониманию сущности пытки используется для своеобразной оправданной стигматизации действий лица, особая жестокость которых этого заслуживает. При этом Европейский Суд также отмечал, что поскольку интерпретация правовых норм не может осуществляться отдельно от современных социальных реалий, то деяния, которые в прошлом квалифицировались как «бесчеловечное и унижающее достоинство обращение» в отличие от «пыткок», в будущем могут быть квалифицированы по-другому, во благо повышающимся стандартам защиты прав человека и гражданина².

¹ Ирландия против Соединенного Королевства (*Ireland v. the United Kingdom*): постановление Европейского Суда по правам человека от 18.01.1978 (жалоба № 5310/71). Эта точка зрения поддерживалась Европейским Судом и в рамках пересмотра данного дела. См.: Ирландия против Соединенного Королевства (*Ireland v. the United Kingdom*): постановление Европейского Суда по правам человека от 20.03.2018.

² Селмуни против Франции (*Selmouni v. France*): постановление Большой Палаты Европейского Суда от 28.07.1999 по делу № 25803/94.

Но в практике Европейского Суда пытка противопоставляется не всякому насилию, а именно бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, в отличие от нормы в ст. 302 УК РФ, где пытка противопоставляется любому насилию. Разумно будет признать, что один удар ладонью по лицу потерпевшего, совершенный должностным лицом в эмоциональном порыве, принуждение потерпевшего к выполнению физических упражнений, несмотря на его проблемы со здоровьем, или продолжительные избиения представляют собой разные по степени своей общественной опасности посягательства на личность, которые заслуживают различной степени осуждения. Когда пытке противопоставляется любое насилие (физическое и психическое в виде издевательств), то правоприменитель вынужден соотносить свое собственное представление о пытке со всем спектром насильственных посягательств, с которыми можно столкнуться в обществе.

Представляется, что в такой ситуации сложнее добиться должного уголовно-правового воздействия в виде оправданного закрепления статуса наиболее общественно опасных деяний за теми посягательствами, которые этого заслуживают, что должно оказывать влияние на адресатов правовой нормы не в меньшей мере, чем и соответствующая пенализация. На данный момент можно сказать о том, что в действующем уголовном законе спорадические проявления насилия, не обладающие большой степенью общественной опасности, поставлены наравне с актами бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, которые по своей сущности больше близки к пытке. Но ст. 3 Европейской конвенции и устоявшаяся практика ее применения предоставляет защиту не от всякого насилия, а от насилия институционализованного, которое порождено слабым положением всякого индивида по отношению к государству.

Таким образом, хотя с точки зрения Европейского Суда акты бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и не должны рассматриваться в качестве пыток, на наш взгляд, в рамках национальной правовой системы, которая не проводит различия между такими актами и менее опасными проявлениями насилия, они, напротив, скорее должны называться пытками и, соответственно, квалифицироваться в качестве таковых. Иными сло-

вами, ввиду широкой свободы усмотрения правоприменителя, отсутствия более подробной градации по интенсивности тех страданий, которые переживаются потерпевшими в ходе принуждения к даче показаний, и невозможности достижения консенсуса в обществе о том, что такое «пытка»¹, уместно называть пытками даже те деяния, которые могут недотягивать до пыток по степени серьезности и жестокости, но которые при этом можно было бы считать бесчеловечным или унижающим достоинство обращением.

Если прибавить к этому свойственную участникам общественных отношений склонность недооценивать тяжесть данного явления в связи с объективной невозможностью поставить себя на место потерпевшего, создается угроза сдерживания повышения стандартов обращения с лицами в уголовном судопроизводстве.

Э.Ю. Чуклина,
научный сотрудник ЮНЦ РАН

Совершенствование законодательной конструкции нормы, предусмотренной ст. 205¹ УК РФ

Статья 205¹ УК РФ введена в уголовный закон в 2002 г. и сначала предусматривала ответственность за такие формы содействия террористической деятельности, как вовлечение лиц в совершение преступлений террористической направленности, вооружение и обучение лиц в целях совершения таких преступлений, финансирование акта терроризма или террористической организации.

Законопроект о введении данной нормы получил отрицательный отзыв Комитета Государственной Думы по законодательству², новелла подверглась критике научного сообщества³.

¹ Об отсутствии у понятия «пытка» самостоятельного содержания писал Д.А. Моряков. См.: Моряков Д.А. Международно-правовое регулирование запрещения и предотвращения пыток и правовая система РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. С. 85.

² Заключение по проекту федерального закона № 97528-3 «О внесении дополнений в законодательные акты Российской Федерации». URL: file:///C:/Users/Пользователь/Downloads/D9E9BBD89D92AC43256EF30044D06A.html (дата обращения: 11.04.2023).

³ См.: Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 36 и др.

Однако законодатель не только принял норму, предусмотренную ст. 205¹ УК РФ, но и продолжил ее расширять. Так, в 2010 г. была установлена ответственность за пособничество террористам, а в 2014 г. – за организацию ряда преступлений террористической направленности. Указанные дополнения также получили отрицательные отзывы Правительства Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации¹, критика ученых усилилась². Основные претензии к ст. 205¹ УК РФ сводились к дублированию положений Общей части УК РФ о соучастии и чрезмерно суровым санкциям.

Вместе с тем ряд ученых справедливо усмотрели криминализационную логику и обоснованность введения ст. 205¹ УК РФ³. Действительно, как показывает анализ судебной практики Южного окружного военного суда, норма, предусмотренная ст. 205¹ УК РФ, позволяет привлекать к ответственности за неуспешное вовлечение в совершение преступления террористической направленности, что невозможно сделать по ч. 4 ст. 33 УК РФ, а также – за предоставление финансовых средств на нужды террористических группировок или их участников, что выходит за рамки ч. 5 ст. 33 УК РФ⁴. Предназначение данной нормы заключается в предупреждении более опасных преступлений (террористический акт, захват заложников, угон судна либо железнодорожного состава, акт международного терроризма) путем устра-

¹ *Саблина М.А.* Разграничение ролей исполнителя и пособника: закон и правоприменение // *Право. Журн. Высш. шк. экономики.* 2015. № 1.

² См.: *Миняева Т.Ф., Гамидов Р.Т.* Проблема криминологической обусловленности уголовного законодательства о террористической деятельности // *Евраз. юрид. журн.* 2015. № 8 (87). С. 245–246; *Рарог А.И.* Ошибка законодателя: виды, причины, пути исправления // *Актуал. проблемы рос. права.* 2019. № 4 (101). С. 97–98 и др.

³ *Тарбагаев А.Н., Москалев Г.Л.* Проблемы уголовно-правовой регламентации склонения, вербовки или иного вовлечения в осуществление террористической деятельности (часть 1 статьи 205¹ УК РФ) // *Всерос. криминолог. журн.* 2017. Т. 11. № 2; *Шиханов В.Н.* Опыт конструирования составов преступлений террористической и экстремистской направленности в УК РФ 1996 года: достоинства и недостатки // *Актуал. проблемы обеспечения нац. безопасности (г. Донецк, 17 дек. 2020 г.): материалы Международ. науч.-практ. конф. Донецк, 2021.* С. 105–106.

⁴ *Чуклина Э.Ю.* Судебная практика по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 205¹ и ст. 205² УК РФ (по материалам Южного окружного военного суда) // *Право и политика.* 2019. № 12; *Ее же.* Значимость анализа судебной практики для предупреждения преступлений террористической направленности // *Достижения и перспективы науч. исслед. молодых ученых Юга России: материалы XIX Ежегод. молодеж. науч. конф. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2023.* С. 166.

нения, прежде всего, вербовщиков в террористические ячейки и блокировки материальной поддержки террористов.

Поэтому в качестве нормы с двойной превенцией норма, предусмотренная ст. 205¹ УК РФ, необходима. При этом недостатки юридической техники делают ее перегруженной и сложной в применении.

В связи с этим рекомендуется внести ряд изменений в рассматриваемую норму. Так, перегруженность нормы можно уменьшить, если разнести альтернативные действия по разным нормам. При этом определение финансирования, содержащееся в примечании и постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», не предусматривает все случаи помощи террористам, например выполнение строительных и ремонтных работ в лагере террористов, оказание услуг в сфере программирования и т.п.

Предлагается наряду с финансированием терроризма в ч. 1 ст. 205¹ УК РФ предусмотреть ответственность за иную материальную или консультационную поддержку терроризма, под которой следует понимать возмездное или безвозмездное выполнение работ и оказание услуг с осознанием того, что они способствуют организации, подготовке либо совершению преступлений террористической направленности.

В свою очередь, дефиниция понятия «финансирование терроризма» также требует уточнений, которые привели бы его в соответствие с положениями Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. и Гражданского кодекса Российской Федерации. Предлагается под финансированием терроризма понимать аккумуляцию или предоставление наличных и безналичных денежных средств, движимого и недвижимого имущества, имущественных прав, независимо от способа их приобретения, с осознанием того, что они предназначены для организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений террористической направленности либо обеспечения деятельности незаконного вооруженного формирования, террористического сообщества или террористической организации.

Оружие, боеприпасы, средства его боевого применения, приборы и комплектующие на него согласно ст. 128 ГК РФ относятся к объектам гражданских прав, хоть и ограниченных в обороте. Поэтому предложенное определение финансирования терроризма охватывает предоставление перечисленных предметов лицам в целях совершения преступлений террористической направленности. Соответственно «вооружение лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений» можно исключить из диспозиции нормы, предусмотренной ст. 205¹ УК РФ.

Поскольку уголовная ответственность за подготовку лица в целях совершения преступлений террористической направленности корреспондирует норме, предусмотренной ст. 205³ УК РФ (Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности), с позиций юридической техники логично ее выделить хотя бы в отдельную часть ст. 205¹ УК РФ и не смешивать с остальными формами содействия террористам.

Относительно пособничества, запрещенного ч. 3 ст. 205¹ УК РФ, следует согласиться с большинством ученых и рекомендовать декриминализировать данное деяние. Во-первых, предусмотренное примечанием определение пособничества содержит недопустимое объединение и заранее обещанного, и заранее не обещанного пособничества, которые отличаются по степени общественной опасности. Во-вторых, финансирование и вооружение лиц в целях совершения преступлений террористической направленности представляют собой физическое пособничество, а подготовка лиц – интеллектуальное пособничество. В-третьих, наказание пособникам чрезмерно суровое и даже превышает наказание непосредственно исполнителям террористического акта.

Поэтому справедливое наказание пособнику в полной мере можно обеспечить как индивидуализацией наказания в соответствии со ст. 67 УК РФ, так и в рамках применения ч. 1 и 1¹ ст. 205¹ УК РФ, а также ст. 205⁶ и 316 УК РФ в случаях прикосновенности к преступлению.

В отличие от пособничества выделение самостоятельной уголовной ответственности за организацию ряда преступлений террористической направленности представляется оправданным. В юридической литературе давно отмечается повышенная общественная опасность действий организатора с другими соучастни-

ками¹, а назначение справедливого наказания организатору совершения преступления не всегда реализуется в рамках индивидуализации наказания.

Предложенные изменения нормы, предусмотренной ст. 205¹ УК РФ, призваны, в первую очередь, усилить ее превентивный потенциал и упростить применение на практике.

Н.П. Шевкопляс,

следователь следственного отдела
по Октябрьскому району г. Иркутска
следственного управления Следственного
комитета Российской Федерации
по Иркутской области, аспирант факультета
подготовки научно-педагогических кадров
и организации научно-исследовательской работы
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации

Фазовый анализ организованной преступной деятельности по незаконным организации и проведению азартных игр

Общественная опасность такого деяния, как незаконные организация и проведение азартных игр, обусловлена причастностью к нему организованных форм преступности, вовлечения в него относительно больших групп населения и экономическим базисом деятельности.

Наиболее удобным способом для раскрытия организованного характера указанного деяния можно назвать «фазовый анализ». Так, А.Ф. Лубин применительно к преступной деятельности в сфере экономики, носящей, как правило, организованный характер, выделяет четыре фазы преступной деятельности: 1) сбор и оценка данных, на основе которых принимается решение о возможности и «рентабельности» совершения преступлений в создавшейся ситуации (обстановке), первичное планирование;

¹ *Трайнин А.Н.* Учение о соучастии. М., 1941. С. 100; *Захарян Г.* Соучастие и индивидуализация наказания // Сов. юстиция. 1989. № 5. С. 9; *Качалов В.В.* Организатор преступления в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 10; *Арутюнов А.А.* Соучастие в преступлении. М., 2013. С. 96.

2) возможное изменение наличной ситуации, формирование преступной группы, корректировка замысла, подготовка средств совершения преступлений и т.д.; 3) реализация преступного замысла (получение преступного дохода, его распределение между участниками); 4) непосредственное расширение преступных связей, расширение масштаба преступных операций, совершенствование средств и процедур преступления, в том числе принятие мер к противодействию расследованию.

Приведенные выше фазы преступной деятельности дополнительно содержат в себе базовые функции – определенные направления деятельности при совершении преступления, требующиеся для выполнения определенных задач. Функции при этом можно считать основным элементом механизма преступления. В зависимости от обстановки и предмета преступного посягательства функции могут совершаться с применением различных комплексов действий, мероприятий, мер, операций и средств, необходимых для решения определенных задач на конкретной фазе, что представляет наименьший элемент преступной деятельности. Стоит отметить, что в случае каждого конкретного преступления указанный комплекс действий будет носить неповторимый, экзистенциальный характер. То есть при наличии совокупности преступлений по признакам одного вида в каждом конкретном преступлении будет свой комплекс действий в рамках определенных функции и фазы соответственно. Но при имеющейся разнородности комплексов действий возможна их типизация.

По А.Ф. Лубину, функция рассматривается как основной элемент преступной деятельности, если она находит проявление на всех фазах преступной деятельности, носит универсальный, сквозной характер. Однако стоит отметить, что в зависимости от изменения текущей обстановки меняются текущие задачи, и это, в свою очередь, влияет на содержание функций. Указанное применимо к особенностям каждого вида преступления¹. Поскольку

¹ См.: Лубин А.Ф. Основные концептуальные положения кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России: научный аспект // Уголов.-процессуал. и криминалист. проблемы методологии и практики расследования эконом. и иных преступлений: материалы Межрегион. науч.-практ. интернет-конф. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2008. С. 16–22; *Его же*. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Н. Новгород: НЮИ МВД России, 1997. С. 118–121; *Его же*. Избранные труды. М.: Блок-Принт, 2021. С. 192–193.

деятельность по незаконным организации и проведению азартных игр имеет особую специфику по причине существования в объективной стороне двух действий, то требует выделения отдельно универсальных функций – встречающихся на двух и более фазах, и аутентичных функций – реализуемых исключительно в рамках отдельной фазы. Поэтому в соответствии с положениями фазового анализа изучение специфики универсальных и аутентичных функций должно происходить в проекции каждой фазы. Далее стоит возвратиться к раскрытию специфики функций по организации и проведению азартных игр. Далее на основе изучения обвинительных заключений по 105 уголовным делам, оконченным следователями Следственного комитета Российской Федерации в период с 2011 по 2019 г., можно раскрыть специфику функций по организации и проведению азартных игр.

Функция замышления носит аутентичный характер и относится исключительно к первой фазе преступной деятельности. В нее будут входить действия по изучению «рентабельности» данной деятельности в целом; оценке полученной информации; планирования деятельности.

Функция обеспечения деятельности игорного заведения является универсальной и находит свое отражение на второй и третьей фазах преступной деятельности. В рассматриваемом деянии она будет осуществляться по трем направлениям: кадровому, материально-бытовому и техническому. По первому направлению к мероприятиям на второй фазе будут относиться подбор, найм и обучение персонала, на третьей фазе – контроль над его деятельностью и принятие в отношении него дисциплинарных мер. По второму направлению мероприятия на фазе подготовки будут включать в себя подыскание помещений, заключение соглашений об аренде помещений, их ремонт и совершение иных действий, направленных на открытие игорных заведений; на фазе реализации – контроль за хозяйственной стороной деятельности игорного заведения – закупка продуктов, алкогольной продукции и т.п., их продажа клиентам, уборка помещений и т.д. Техническое обеспечение на второй фазе заключается в приобретении и установке игорного оборудования; на третьей фазе – в ремонте и обслуживании игрового оборудования и иных средств, включая детали.

Следующая функция связана с предметом преступного посягательства – активами (денежные средства, денежные долги,

имущество и т.п.) и носит универсальный характер, так как находит отражение на всех фазах. На первой фазе оцениваются предпринимательские риски с точки зрения получения потенциально преступного дохода. Данная функция на второй фазе включает в себя действия по осуществлению необходимых расходов, направленных на создание и начало работы игорного заведения, проработку вопросов об обеспечении хранения и инкассации полученных денежных средств, подготовку схем по легализации преступных доходов. Третья фаза также включает в ряд мероприятий: прием денежных средств от игроков, выплату вознаграждений игрокам, учет полученного дохода, хранение и инкассацию полученных денежных средств, осуществление расходов на обеспечение деятельности игорных заведений. На четвертой фазе осуществляются меры по легализации преступного дохода в целях как личного потребления, так и вложения в развитие игорного предприятия.

Функция по работе с клиентами является универсальной в связи с ее проявлением на всех фазах и представляет собой действия по привлечению потенциальных и постоянных клиентов и организации их досуга. На фазе сбора информации оцениваются предпринимательские риски с точки зрения возможного спроса на услуги. На фазе подготовки осуществляются меры по скрытой рекламе игорных заведений. Кроме рекламы, фаза реализации включает в себя оформление допуска клиентов в игорные заведения, ведение в отношении них баз данных, а также стимулирование участия клиентов в азартных играх путем осуществления иных сопутствующих услуг (приглашение артистов, работа кухни и бара и т.д.) и мер манипулирования (препятствование доступа дневного света в помещение, отсутствие часов и т.п.) с целью увеличения времени их нахождения в игорном заведении с последующим увеличением дохода. На фазе развития принимаются меры по сохранению целевой аудитории, поиску новых сегментов сбыта услуг, совершенствованию способов проведения азартных игр и поддержанию бренда игорного предприятия в целом.

Функция безопасности носит универсальный характер, встречается на всех фазах и представляет собой комплекс мероприятий по защите игорных заведений от негативных факторов, в том числе и от попыток выявления, пресечения, раскрытия и рас-

следования преступной деятельности со стороны правоохранительных органов. На фазе сбора информации организаторы оценивают защитные риски ведения игорного бизнеса в конкретном районе. На фазе подготовки принимаются меры по отбору работников, которые будут выполнять охранные функции, инструктаж персонала; подготавливаются меры противодействия деятельности правоохранительных органов, включающие в том числе маскировку и установление коррупционных связей с представителями власти. Фаза осуществления организованной преступной игорной деятельности включает в себя мероприятия по реализации мер противодействия деятельности правоохранительных органов. Фаза развития по комплексу мер включает в себя сокрытие и уничтожение следов преступления, укрытие соучастников, дачу ложных показаний и т.д.¹.

Функция развития является аутентичной и присуща исключительно четвертой фазе. Входящие в нее действия направлены на реализацию моделей расширения организованной преступной игорной деятельности.

Теперь можно непосредственно перейти к рассмотрению такого элемента рассматриваемой преступной деятельности, как проведение. Данное действие можно рассматривать в качестве аутентичной функции, поскольку она соотносится только с третьей фазой рассматриваемого механизма преступления. Проведение азартной игры может осуществляться следующими способами: 1) без использования каких-либо дополнительных устройств; 2) с использованием автоматов (со специализированными электронными платами; с платами для ПЭВМ); 3) с использованием сети ПЭВМ с выходом в сеть «Интернет».

Таким образом, в данной работе была проанализирована организованная преступная деятельность по незаконным организации и проведению азартных игр с позиции фазового анализа. Рассмотрены типичные функции игорного предприятия: замышление, обеспечение деятельности преступного предприятия, осуществление операций с активами, работа с клиентами, обеспечение безопасности, осуществление развития и проведения азартных игр.

¹ Антонов О.Ю. Функции управления незаконной организацией и проведением азартных игр // Полицейская деятельность. 2019. № 6.

Э.И. Юдина,
следователь по особо важным делам
следственного отдела по Ленинскому району
г. Саратова следственного управления
Следственного комитета
Российской Федерации
по Саратовской области

О соотношении понятий «пределы доказывания» и «достаточность доказательств»

Учения о пределах доказывания и достаточности доказательств неразрывно связаны между собой. Указанные категории исследовались как советскими, так и российскими учеными-процессуалистами на протяжении длительного времени. Однако ни одна из них не получила однозначного и общепризнанного толкования, до конца не разрешен вопрос о соотношении рассматриваемых понятий. Подобное состояние неопределенности обуславливает необходимость развития теоретических разработок и использования в практической деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Применение авторами различной методологии, подходов к рассмотрению понятия пределов доказывания привело ученых к неоднородным выводам о рассматриваемом объекте.

Первоначально в уголовно-процессуальной теории понятие пределов доказывания отождествлялось с понятием предмета доказывания¹. С развитием научных взглядов ученые отказались от подобного суждения, разграничив указанные категории².

Современное состояние знания о пределах доказывания включает в себя следующие определения: границы изучения до-

¹ См., напр.: *Рахунов Р.Д.* О понятии доказательства и главном факте доказывания // Сов. гос-во и право. 1965. № 12; *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: в 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 361; *Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. С. 93–94; *Лазарева В.А.* Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учеб. пособие. Самара: Самар. ун-т, 2007. С. 113.

² *Миньковский Г.М.* Пределы доказывания в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1956. С. 4.

казательственных фактов¹; степень познания обстоятельств, входящих в предмет доказывания²; совокупность необходимых и достаточных доказательств для установления значимых для дела обстоятельств³; границы доказательственной деятельности, выражающие полноту проверяемых следственных версий, глубину исследования фактов и объем доказательств и их источников, необходимых для установления предмета доказывания и достаточности обоснования выводов по делу⁴; «число источников доказательств, без которого доказывание практически невозможно»⁵; глубина исследования обстоятельств дела⁶; границы, в которых осуществляется доказывание на разных стадиях уголовного судопроизводства⁷; отождествление пределов доказывания и пределов судебного следствия⁸; «границы привлечения такого объема доказательств, которого достаточно для всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств совершенного преступления»⁹.

Это далеко не полный перечень предлагаемых определений рассматриваемой правовой категории. Приведенные суждения, несмотря на все различия, имеют ряд общих черт и позволяют сделать вывод, что само содержание понятия «пределы доказы-

¹ Ульянова Л.Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М.: Госюриздат, 1959. С. 23.

² Карнеева Л.М., Кортес И. Источники доказательств по советскому и венгерскому законодательству. М: Юрид. лит.; Будапешт: Кезгаздашаги эш йоги, 1985. С. 14.

³ Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2000. С. 33.

⁴ Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд., доп. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. С. 69.

⁵ Зотов Д.В. Фактические и необходимые пределы доказывания // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: сб. науч. ст. IV-й Международ. науч.-практ. конф. / Юго-Западный гос. ун-т. Курск, 2015.

⁶ Танасевич В.Г. Пределы и предмет доказывания по уголовному делу // Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства в стадии предварительного расследования: тезисы докл. и сообщений на науч. конф. (19–21 дек. 1962 г.). М., 1962.

⁷ Каз Ц.М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1968. С. 15.

⁸ Александров А.С., Фролов С.А. Относимость уголовно-процессуальных доказательств. Н. Новгород: Нижегород. правовая акад., 2011. С. 154.

⁹ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 437.

вания» является оценочной категорией исследования обстоятельств дела посредством совокупности собранных доказательств, обеспечивающих достоверность установления предмета доказывания.

Указанный вывод позволяет рассматривать пределы доказывания как оценочный элемент всего процесса доказывания, определяющий его завершение.

Еще одной оценочной категорией, которая определяет завершающий этап доказывания, по смыслу ч. 1 ст. 88 УПК РФ является достаточность доказательств. Данная дефиниция, как и понятие «пределы доказывания», не имеет легального толкования, а также общепринятого доктринального определения.

Уголовно-процессуальным законом достаточность доказательств определена как свойство совокупности относимых, допустимых и достоверных доказательств для разрешения уголовного дела.

В науке уголовного процесса достаточность доказательств раскрывается по-разному. Так, по мнению Л.Т. Ульяновой под достаточностью доказательств понимается количественная совокупность относимых, допустимых и достоверных доказательств, которые способны установить обстоятельства противоправного деяния¹. Ф.Н. Фаткуллин под достаточностью понимает достоверные выводы в результате «логической обработки фактической информации» о каждом обстоятельстве предмета доказывания², В.М. Бозров и Н.В. Костовская оставляют на усмотрение субъекта доказывания, осуществляемого на основе внутреннего убеждения, определение достаточной совокупности, необходимой для установления обстоятельств уголовного дела³.

По мнению А.А. Хмырова, достаточной выступает такая совокупность доказательств, которая устанавливает предмет доказывания⁴.

¹ Ульянова Л.Т. О достаточности доказательств // Вестн. МГУ. Сер.: Право. 1974. № 6.

² Фаткуллин Ф.Н. Указ. соч. С. 191.

³ Бозров В.М., Костовская Н.В. Некоторые проблемные вопросы оценки доказательств судом // Мировой судья. 2012. № 12.

⁴ Хмыров А.А. Косвенные доказательства в уголовных делах. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. С. 213.

На современном этапе развития теории уголовного процесса достаточность трактуется в качестве системы относимых, допустимых и достоверных доказательств, являющейся основой принятия процессуального решения¹ и устанавливающей обстоятельства предмета доказывания².

Рассмотрение указанной категории с точки зрения количественного критерия, на наш взгляд, не является верным, поскольку количественный набор доказательств не может отражать границы необходимой доказательственной деятельности, а также не может рассматриваться как достаточная совокупность доказательств ввиду невозможности установления определенного в числовом выражении набора доказательств. Иное рассматривалось бы как возвращение к теории формальных доказательств, противоречащей установленным принципам уголовного судопроизводства. При определении природы достаточности доказательств необходимо учитывать сочетание количественного (в виде некоторого объема доказательств) и качественного (в виде совокупности доброкачественных доказательств, отвечающих свойствам относимости, достоверности и допустимости) подходов к ее определению с преобладанием качественного критерия. Помимо указанных, неотъемлемыми компонентами достаточности доказательств являются способность информации выступать основой процессуального решения и способность устанавливать предмет доказывания.

Таким образом, под достаточностью доказательств предлагается понимать качественно-количественное свойство доказательств, которое сочетает в себе их оценку с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а также получение таких доказательств на основе объективного, всестороннего и полного исследования обстоятельств, входящих в предмет доказывания и способных в своей совокупности выступать в качестве основы для принятия уполномоченными органами и их должностными

¹ Профатилова Н.В. Оценка следователем достаточности доказательств при принятии основных процессуальных решений по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9.

² Кочкина М.А. Оценка достаточности доказательств на этапе окончания предварительного расследования по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 9.

лицами законных, обоснованных и мотивированных процессуальных решений при производстве по уголовному делу и его разрешении.

Определив природу пределов доказывания и достаточности доказательств, можно сделать вывод о тесной связи рассматриваемых понятий. И пределы доказывания, и достаточность доказательств могут быть реализованы только на основе объективного, всестороннего и полного исследования всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Вместе с тем указанные категории отражают различную связь с процессом доказывания. Пределы доказывания выступают требованиями к границам, определяющим завершение процесса доказывания, в то время как достаточность доказательств как качественно-количественная их совокупность, реализуемая на всем протяжении доказывания в качестве основы принятия процессуального решения, в том числе разрешающего по существу, выступает наполнением достоверного знания, обеспечивающим надлежащие пределы доказывания. Следовательно, достаточность доказательств – это необходимое условие установления пределов доказывания.

Содержание

Актуальные проблемы прокурорской, правоохранительной и правозащитной деятельности

<i>Анкудинова Я.С.</i> Особенности принесения прокурором протеста на постановление по делу об административном правонарушении.....	3
<i>Басов А.В.</i> Аспекты научного обеспечения участия прокурора в административном судопроизводстве.....	7
<i>Березовская А.А.</i> О невозможности передачи прокурору контрольных полномочий суда, реализуемых в досудебном производстве.....	12
<i>Виноградова А.А.</i> Проблемные аспекты административно-правового противодействия распространению идеологии экстремизма.....	17
<i>Демченко В.А.</i> Участие прокурора в рассмотрении судами административных дел о защите интересов несовершеннолетнего в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни.....	21
<i>Ибрагимова А.М.</i> К вопросу о правовом регулировании рассмотрения обращений граждан в органах прокуратуры...	26
<i>Козлова Н.С.</i> Содержание предмета прокурорского надзора за исполнением законов в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.....	31
<i>Колесник Е.С.</i> Развитие профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции при подготовке кадров для органов прокуратуры.....	36
<i>Леготин А.О.</i> Проявление принципов согласованности и подчиненности, исключения дублирования полномочий в организации работы прокуратуры города с районным делением.....	41

<i>Мальцева К.А.</i> Уполномоченный по правам ребенка как субъект правозащитной деятельности: опыт Иркутской области.....	44
<i>Маматов М.В., Симонова И.С.</i> Сфера интеллектуальной собственности: состояние законности и работа органов прокуратуры.....	51
<i>Пыткина Н.О.</i> Защита прокурором прав несовершеннолетних на образование при реализации национальных проектов.....	58
<i>Титов А.А.</i> Актуальные вопросы реагирования на коррупциогенные факторы в отдельных нормативных правовых актах.....	64
Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики	
<i>Агаян В.А.</i> Реалии новой цифровой преступности.....	68
<i>Бабаева В.А.</i> История возникновения и развития киберпреступности в США.....	73
<i>Бадоян С.М.</i> Место и время как элементы криминалистической характеристики изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.....	78
<i>Зорин В.С.</i> Участие сторон в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции путем использования систем видео-конференц-связи.....	81
<i>Машкова А.В.</i> Проблемные аспекты объективной стороны ятрогенных преступлений.....	86
<i>Мельник С.С.</i> Актуальные вопросы международного сотрудничества в борьбе с экстремизмом в странах Шанхайской организации сотрудничества.....	91

<i>Постоева Е.А.</i> Российское и иностранное правовое регулирование противодействия использованию краудфандинга в целях финансирования терроризма.....	95
<i>Пошелов П.В.</i> Вопросы квалификации посягательств на мемориальные объекты, связанные с защитой Отечества.....	99
<i>Романько А.Г.</i> Конституционно-правовой принцип языка уголовного судопроизводства и его основные свойства.....	103
<i>Сальникова О.Н.</i> Профилактика вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность.....	108
<i>Сердюк А.Ю.</i> Некоторые особенности субъекта преступления, предусмотренного ст. 172 ² УК РФ.....	113
<i>Тарасова Ю.И.</i> Некоторые проблемы определения функции суда на предварительном слушании по уголовному делу.....	117
<i>Харченко Е.В.</i> Проблемы понимания пытки при принуждении к даче показаний.....	122
<i>Чуклина Э.Ю.</i> Совершенствование законодательной конструкции нормы, предусмотренной ст. 205 ¹ УК РФ.....	127
<i>Шевкопляс Н.П.</i> Фазовый анализ организованной преступной деятельности по незаконным организации и проведению азартных игр.....	131
<i>Юдина Э.И.</i> О соотношении понятий «пределы доказывания» и «достаточность доказательств»....	136

**Актуальные проблемы
юридической науки и практики:
взгляд молодых ученых**

Сборник статей участников
XV научно-практической конференции
(г. Москва, 27 апреля 2023 г.)

Подписано в печать 27.11.2023. Формат 60x90/16. Печ. л. 9.
Тираж 100 экз. Заказ 46.

Университет прокуратуры Российской Федерации
123022, Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15.